

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXIII

Ростов
2018

Василий III — «един правый государь» Комментарии к т. VII «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина

С. М. Каштанов, В. П. Козлов

События 1812 г. едва не изменили первоначальные планы Н. М. Карамзина в отношении работы над «Историей государства Российского». К этому времени на его письменном столе уже лежали шесть законченных, но еще не изданных, первых томов труда. Седьмого и последующих томов вообще могло и не быть, поскольку у историографа еще во время эвакуации из Москвы в Нижний Новгород резко поменялись творческие замыслы. К середине 1813 г., когда он с семьей возвратился в Остафьево, они обрели новые и неожиданные очертания. Как ни манили Карамзина времена Ивана Грозного, Бориса Годунова и Смуты, он решил ограничиться изданием шести написанных томов «Истории» и посвятить «остаток» своих творческих сил «новейшей, современной» истории, центральное место в которой должно было занять описание событий Отечественной войны 1812 г. 1 июня 1813 г. историк извещал брата: «Думаем около половины августа ехать в Петербург, чтобы печатать написанные мною тома Истории. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я жив»¹. Об изменении его планов свидетельствует и июньское письмо 1813 г. к И. И. Дмитриеву. В нем он сообщал: «Я очень переменялся, любезнейший друг, со времени разлуки нашей: остыл к приятностям мира и даже едва ли могу продолжать историю; для того более и хотел бы напечатать, что готово»².

Но не только реализовать новый творческий замысел, а и даже приступить к нему Карамзин мог лишь с согласия императора. Однако тот находился в Европе. Возможная встреча с ним откладывалась, а здесь, в России, несмотря на поддержку нового карамзинского проекта со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны, намерение Карамзина стать первым историографом Отечественной войны 1812 г. встретило холодное неприятие высшей российской бюрократии, от которой зависело главное — доступ к архивам новейшей истории России.

И, как кажется, без особого вдохновения Карамзин продолжил работу над «Историей». В конце апреля 1814 г. историк отправился из Москвы

---

¹ Переписка Н. М. Карамзина с 1793 по 1826 год // Атеней. М., 1858. Ч. 3. С. 536.

² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 176.

в Остафьево, где надеялся закончить описание княжения «Василия Ивановича и прибавить главу о состоянии России»³. 5 июня Карамзин писал брату: «А я дописываю Василия Ивановича, чтобы скорее приняться за Грозного царя Ивана»⁴. Седьмой том «Истории» вчерне был закончен к сентябрю 1814 г.

Возможно, из-за раздвоения творческих планов Карамзина этот том оказался не столь ярким, как предшествующий, и тем более последующие тома. К тому же, поняв, что его новым планам вряд ли суждено сбыться, Карамзин спешил приступить к описанию царствования Ивана Грозного, в котором, как ему думалось, его творческий дар, а главное, размышления о смысле российской истории могли бы раскрыться наиболее впечатляюще. Все это, вероятно, и определило то, что в седьмом томе концептуальные основы карамзинского понимания российского исторического процесса выглядят не только менее отчетливо, чем в предшествующих и последующих томах, но и обозначены как бы пунктиром, звучат приглушенно.

Переходя от эпохи Ивана III, которого Карамзин считал гением, к времени правления Василия III (1505–1533), автор «Истории государства Российского» стремился, как всегда, на базе всех доступных ему источников подробно и тщательно проследить ход событий и оценить роль нового государя как политического деятеля. Наряду с летописями, прежде всего Никоновской, Карамзин впервые в историографии широко использовал материал посольских и в меньшей степени разрядных книг. Посольские книги, в то время в массе своей еще не опубликованные, представляли новую для конца XV — начала XVI в. группу источников. Они давали богатейшую информацию о перипетиях внешней политики Российского государства и его ближайших и более отдаленных соседей. Карамзин обратился к материалу посольских книг уже при изучении последних десятилетий правления Ивана III, когда, собственно, и появились первые разновидности регистрационно-учетного вида документации в форме посольских, разрядных и писцовых книг. Во времена Василия III они получили дальнейшее развитие. Количество посольских книг по странам увеличивалось. В 1509 г. в рамках посольской книги стали фиксироваться отношения с иерархами и монастырями т. н. «православного Востока». Наибольшим вниманием Карамзина пользовались посольские книги по связям с Польско-Литовским государством, Крымом, ногаями и Турцией.

В конце правления Василия III в наиболее крупных монастырях начали заводить хозяйственные книги, которые Карамзину еще не были известны. Их стали вводить в научный оборот позднее.

В первой трети XVI в. в составе источников значительно вырос удельный вес записок иностранцев. До XVI в. иностранные известия о России носили случайный характер и нередко содержали баснословные сведения. Одно из наиболее интересных описаний принадлежало перу венецианца

---

³ Там же. С. 180.

⁴ Переписка Н. М. Карамзина... С. 541.

Амброджо Контарини, который на пути из Персии проезжал через Москву в 1476—1477 гг. и был принят Иваном III. Но даже это содержательное и в значительной мере достоверное сочинение нельзя сравнить с фундаментальным трудом барона Сигизмунда Герберштейна, дважды (в 1517 и 1526 гг.) побывавшего в России в качестве посла и составившего подробное описание Московии того времени. Карамзин почерпнул у Герберштейна целый ряд уникальных сведений об обычаях великокняжеского двора, отношениях Василия III с его окружением, разводе с Соломонией Сабуровой и других событиях. Использовал Карамзин и менее обстоятельные сочинения иностранцев. Образованному дворянскому историку не составляло труда читать их на языке оригинала, будь то латынь или один из новых западных языков.

Карамзин писал свою «Историю» в эпоху, когда еще не было многотомных изданий актов и, в частности, таких замечательных серий, как «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук» (1836. Т. 1—4), «Акты исторические» (1841. Т. 1—5) и др. Круг источников по истории России первой трети XVI в., опубликованных в XVIII в. и в первые годы XIX в., был достаточно узок. В него входили некоторые летописи и летописные своды XVI в.⁵, некоторые духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.⁶, разнородные материалы, помещенные в двух изданиях «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова⁷ и в ее «Продолжении»⁸. К изучению социально-экономической истории русская историография еще не была готова. Не были введены в научный оборот ни писцовые, ни приходно-расходные и другие хозяйственные книги. Да и сама философия истории в начале XIX в. не доросла до понимания важнейшей роли экономики в процессе исторического развития. Круг и характер источников,

⁵ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767—1792. Ч. 1—8 [Никоновская летопись]; Царственная книга, т.е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 года до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769; Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года, то есть по кончину царя и великого князя Федора Ивановича. М., 1781 [Архангелогородский летописец]; Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета. М., 1784 [Типографская летопись]; Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. СПб., 1792. Ч. 1—5 [Львовская летопись].

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1819. Ч. I—II (далее — СГГД); Амвросий [Орнатский]. История российской иерархии. М., 1811, 1812, 1815. Ч. III, IV, VI; см. также: *Крестинин В.* Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа на Севере... СПб., 1785. Приложение.

⁷ Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1773—1775. Ч. 1—10 (далее — ДРВ-1); 2-е изд. М., 1788—1791. Ч. 1—20 (далее — ДРВ-2).

⁸ Продолжение «Древней Российской Вивлиофики». СПб., 1786—1801. Ч. 1—11 (далее — Продолжение ДРВ).

доступных Карамзину, определили наибольшую возможность изучения истории внешней политики Русского государства первой трети XVI в.

В истории правления Василия III Карамзин различает три периода: 1) 1505–1510; 2) 1510–1521; 3) 1522–1533. Он не дает обоснования выделения этих периодов, но такая периодизация основывалась в первую очередь на учете изменений внешнеполитической ситуации. Каждому из периодов посвящена одна глава VII тома. Но, кроме этих глав, в томе имеется 4-я, последняя глава. Она выходит за хронологические рамки правления Василия III (1505–1533), охватывая наряду с данным периодом, также время правления Ивана III (1462–1505). Тема 4-й главы VII тома — общее состояние России в 1462–1533 гг. Частично эта тема затрагивалась во второй половине главы 3, но там она ограничивалась 28-ю годами правления Василия III, а здесь была раскрыта на базе изучения общих черт развития России на протяжении 61 года. Правда, и в этой главе автор опирался в основном на факты и источники, относящиеся к эпохе Василия III, и не ставил своей целью выявить то новое, что эта эпоха дала по сравнению с временами Ивана III.

4-я глава VII тома явилась реализацией высказанного Карамзиным в письме к И. И. Дмитриеву в 1814 г. намерения «прибавить» к описанию княжения Василия III «главу о состоянии России»⁹.

Первый период правления Василия III начался с его восшествия на престол сразу после смерти Ивана III 27 октября 1505 г. и завершился присоединением к Русскому государству Пскова и Псковской земли в январе 1510 г. «Псковское взятие» имело большое значение с точки зрения как внешней, так и внутренней политики. Карамзин проводит мысль, что беспрепятственное покорение Пскова стало возможным благодаря установлению в 1509 г. мирных отношений с Польшей, Крымом и Ливонией. Оправдывая присоединение Пскова как важную и необходимую меру по созданию единого Российского государства, Карамзин находит краски и слова для выражения сочувствия населению присоединенного Пскова. Он понимает ужас и отчаяние псковичей, потерявших свою свободу и независимость и вынужденных в массовом порядке покидать Псков. Характеризуя итоги первых четырех лет правления Василия III, Карамзин оценивает их как успешные. Василий III сумел, по словам историка, доказать «наследственное могущество» российских государей «для неприятеля внешнего и непрременную волю их быть внутри самодержавными» (Т. VII. Стб. 30)¹⁰.

Второй период (1510–1521) выделен Карамзиным как время десятилетней войны с Польшей. Одним из главных событий этого периода было отвоевание Смоленска (1512–1514), потерянного Россией в 1404 г.

---

⁹ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 180; ср. выше, примеч. 3.

¹⁰ Здесь и далее многотомная «История» Карамзина цитируется по изданию: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 5-е изд. в трех книгах. Издание И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Кн. II (Томы V, VI, VII и VIII). Репринт: М.: «Книга», 1989.

Этот успех был, однако, омрачен поражением русских войск под Оршей в 1514 г. Война закончилась в 1521 г. заключенным на 5 лет перемирием, по которому Смоленск закреплялся за Россией. Карамзин оценивает эту войну как бы с трех точек зрения, называя ее для Сигизмунда «славною» громкой победой Оршанскою, для России «полезною» приобретением Смоленска, для обоих же государств «равно опустошительною» (Т. VII. Стб. 71).

В рассматриваемый период произошли, по крайней мере, две неблагоприятные для России перемены в международной обстановке. Во-первых, Сигизмунду I удалось ликвидировать Тевтонский прусский орден (1517), всегда являвшийся надежным союзником России в борьбе с Польшей. Во-вторых, дряхлость и последовавшая затем смерть (1515) крымского хана Менгли-Гирея сопровождалась превращением Крыма, бывшего союзника Ивана III и Василия III, в очаг агрессии против России. Сын и наследник Менгли-Гирея хан Мухаммед-Гирей совершил в 1521 г. опустошительный набег на русские земли, дойдя до Москвы. Массовое уничтожение населенных мест, истребление и увод в плен населения нанесли огромный урон Русскому государству. «Сие нашествие варваров, — пишет Карамзин, — было самым несчастнейшим случаем Василиева государствования» (Т. VII. Стб. 68).

В этот же период развивались дружеские дипломатические отношения России со Священной Римской империей германской нации (договор Василия III с Максимилианом I 1514 г.) и Данией (договор 1517 г. с Кристианом II). В немецком экземпляре договора Василий III фигурирует с титулом кайзера, т.е. императора. Империя пыталась играть роль посредника в отношениях между Россией и Польшей, но больше защищала интересы польского короля, чем великого князя всея Руси (первое посольство Сигизмунда Герберштейна 1517 г.). Союз с Данией имел с обеих сторон антишведскую направленность.

Третий и последний период правления Василия III помечен у Карамзина 1521–1534 гг. Вторая дата неточна, поскольку Василий III умер в декабре 1533 г. В рамках этого периода историк рассматривает, во-первых, завершающие шаги объединения русских земель под властью Москвы, во-вторых, противостояние с Казанью и Крымом, в-третьих, внутренние дела и события в великокняжеском семействе. Здесь же, в конце главы III, Карамзин характеризует личность Василия, нравы и обычаи его двора, отношения с церковью, общее состояние России в первой трети XVI в. и ее положение на фоне остальной Европы.

Начальным сюжетом главы III является присоединение к Москве Рязанского княжества, которым завершился процесс собирания великорусских земель под властью единого центра. При описании этого события, плохо освещенного в источниках, Карамзин допустил ряд неточностей. Неверна указанная им дата присоединения — 1517 г. Карамзин вывел ее из сообщения Архангелогородского летописца — единственного летописного источника,

упоминающего о присоединении Рязани. В нем под 7024 (1515/16) г., после известия от 20 ноября, говорится: «Тое же зимы поимал князь велики Василеи Ивановичь князя Ивана Ивановича Рязанского, а Рязань всю на себя взял»¹¹. Согласно данному тексту, ликвидация Рязанского княжества произошла либо в декабре 1515 г., либо в январе — феврале 1516 г. Именно эта дата соответствует зиме 7024 г., указанной в Архангелогородском летописце как время поимания рязанского князя Ивана Ивановича. Однако сохранившиеся акты показывают, что в 1515–1519 гг. Иван Иванович был действующим рязанским князем¹². До этого Рязанским княжеством управляла сначала его бабка Анна Васильевна (1500–1501 гг.¹³), а затем мать — Аграфена (Агриппина) Васильевна¹⁴ (1501–1514)¹⁵. Карамзин неправ, говоря, что Агриппина «господствовала в Рязани именем своего малолетного сына» (Т. VII. Стб. 73). Нет, и она, и ее свекровь и предшественница Анна Васильевна правили каждая от своего собственного имени, не упоминая в грамотах имени великого князя Ивана Ивановича. Такое, наверное, не могло бы случиться в Москве. По крайней мере, Елена Глинская, регентша при малолетнем Иване IV в 1534–1538 гг., не выдавала грамот от своего имени: все грамоты составлялись от имени великого князя Ивана Васильевича. Вероятно, Ивану Ивановичу пришлось совершить некий *coup d'Etat*, чтобы отстранить мать от власти и взять бразды правления в свои руки. Заточение ее в монастырь (какой, неизвестно) Герберштейн приписывает Василию III¹⁶, и Карамзин повторяет эту версию, хотя она противоречит его же утверждению, что Василий III считал Агриппину послушным орудием своей воли и поэтому терпел ее правление в Рязани. По Герберштейну, заточение Агриппины в монастырь произошло после того, как Василий арестовал Ивана Ивановича в Москве и занял Рязань. Но в каком положении находилась Агриппина в течение пяти лет пребывания Ивана Ивановича у власти в Рязани? Не могла ли она оказаться в монастыре по его воле? Архангелогородский летописец, упоминая о поимании Ивана Ивановича Василием III, ничего не говорит о действиях московского князя в отношении Агриппины. Она не фигурирует и в известном отрывке из розыскного дела 1521 г. о бегстве Ивана Ивановича из Москвы¹⁷.

---

¹¹ Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 102 (далее — ПСРЛ).

¹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. III. № 376, 378, 380–389 (далее — АСЭИ).

¹³ Там же. № 333, 336, 361.

¹⁴ Князя Василия Бабыча Друцкого, отца Аграфены, Герберштейн ошибочно называет Федором (Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах / введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 104). В Справочном указателе к Карамзину она указана без отчества, как жена в. кн. Ивана Васильевича.

¹⁵ АСЭИ. Т. III. № 336, 345, 346, 362, 369–371, 379.

¹⁶ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки. С. 105.

¹⁷ АСЭИ. Т. III. № 391.

Из датированных грамот Ивана Ивановича¹⁸ наиболее ранняя относится к 7023 (1514/15) г.¹⁹, наиболее поздняя — к июню 1519 г.²⁰ Самая ранняя точно датированная грамота Василия III, свидетельствующая о его управлении Рязанской землей, была выдана 16 марта 1520 г.²¹ Отсюда следует, что поимание Ивана Ивановича состоялось после июня 1519 г. и до марта 1520 г. В первой половине 1519 г. наблюдается «противостояние иммунитетов»: рязанский князь выдает жалованные грамоты своим военным вассалам на земли в Рязанском уезде²², а Василий III — своим в соседнем Тульском²³. Ко второй половине 1519 г. эта политика замирает. Вероятно, именно тогда Василий III потребовал приезда Ивана Ивановича в Москву. Из рассказа Герберштейна известно, что рязанский князь не хотел ехать и долго колебался, прежде чем поддаться на уговоры одного из своих приближенных, которого Герберштейн, а вслед за ним Карамзин называют «Симеон Крубин»²⁴. Настоящее имя этого человека — Семен Коробьин. Он упомянут как сын Ивана Кичибеевича Коробьи в жалованной грамоте, выданной ок. 1483–1500 гг. вдове последнего, матери Семена, рязанским великим князем Иваном V Васильевичем, отцом в. кн. Ивана VI Ивановича²⁵.

Если вспомнить указание Архангелогородского летописца о том, что поимание Ивана Ивановича произошло зимой, и сопоставить с этим тот факт, что самая ранняя жалованная грамота Василия III на рязанские земли датируется 16-м марта 1520 г.²⁶, то станет ясно, что присоединение Рязанского княжества надо датировать январем — февралем 1520 г., т.е. на 4 года позже, чем это указано в Архангелогородском летописце (1516 г.).

¹⁸ Там же. № 376, 378, 380–389. Имеется еще пять недатированных указных грамот Ивана Ивановича (Там же. № 372–375, 377). Четыре из них (Там же. № 372–375) И. А. Голубцов условно относит к 1510–1516 г., а одну (Там же. № 377) — к 1517 г. 1510 г. он избирает в качестве момента, когда могло наступить совершеннолетие Ивана Ивановича (15 лет). Но в том-то и дело, что Аграфена и после 1510 г. продолжала удерживать власть в своих руках. Ее самая поздняя грамота датируется 7022 (1513/14) г. (Там же. № 379). Поэтому недатированные указные грамоты Ивана Ивановича едва ли могли появиться ранее 1514/15 г.

¹⁹ Там же. № 380.

²⁰ Там же. № 388.

²¹ Акты юридические. СПб., 1838. С. 59–60 (далее — АЮ); *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [часть I] // Археографический ежегодник [далее — АЕ] за 1957 год. М., 1958. С. 326. № 166 (далее — ХП-1).

²² ХП-1. С. 325–326. № 159, 162.

²³ Там же. № 158, 160.

²⁴ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки. С. 105.

²⁵ АСЭИ. Ч. III. № 366. С. 387 (в указателе Семен Коробьин не фигурирует). О Семене Коробьине см. также: *Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории: научный исторический журнал. М., 1995. Вып. 6. С. 64–66.

²⁶ АЮ. С. 59–60.

Что же произошло в 1516 г.? Вероятно, первая демонстрация недовольства Василия III приходом к власти в Рязани великого князя Ивана Ивановича. Может быть, это была демонстрация готовности вооруженного вмешательства Москвы в рязанские дела. Опираясь на свидетельство Герберштейна, Карамзин пишет, что во время нашествия Мухаммед-Гирея (июль 1521 г.) в. кн. Иван Иванович, воспользовавшись всеобщей паникой, сумел бежать из московского плена в Литву, где кончил свою жизнь «в неизвестности» (Т. VII. Стб. 74). Надо сказать, что делались попытки догнать и вернуть Ивана Ивановича в Москву, но они оказались безуспешными. Позднейшими исследованиями было установлено, что в Литве Иван Иванович получил в вотчину Стоклишки в Ковенском повете, умер же он ранее февраля 1534 г.²⁷ Что касается его матери Аграфены, то, возможно, Василий III перевел ее в другой монастырь после взятия Рязани. О заключении Агриппины в монастырь Василием III известно только из Герберштейна²⁸. Однако, как назывался этот монастырь и где он находился, Герберштейн не сообщает.

Если С. М. Соловьев в 5-м томе своей «Истории России», вышедшем в свет в 1855 г., повторил карамзинскую датировку присоединения Рязанского княжества (1517 г.)²⁹, то через три года после этого, в 1858 г. Д. И. Иловайский в книге, посвященной истории Рязанского княжества, высказал предположение, что в. кн. Иван Иванович был схвачен после мая 1520 г.³⁰ А. Г. Кузьмин также не сомневался в том, что еще в 1519 г. Иван Иванович был действующим рязанским князем³¹. Согласно А. А. Зимину, «поимание» рязанского великого князя Ивана VI произошло «вероятно, зимой 1520/21 г.»³². Мы датировем это событие январем-февралем 1520 г. (см. выше).

Следующим территориальным приобретением Василия III на юге было Новгород-Северское княжество Василия Ивановича Шемячича, внука знаменитого Дмитрия Юрьевича Шемяки. В 1454 г. сын Шемяки Иван Дмитриевич Шемякин бежал из Пскова в Литву, где получил от Казимира IV Новгород-Северский либо в вотчину, либо в удел. Дата этого пожалования неизвестна. После смерти в Литве Ивана Дмитриевича владельцами Новгорода-Северского стали его сыновья — сначала Семен, старший по возрасту, а после его смерти — Василий. В 1500 г. Василий Иванович Шемячич

²⁷ Baumgarten N. de. Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1934. Num. 94. Vol. XXXV-1. P. 85, 89. Table XV. № 34. Ср.: *Сметанина С. И.* Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // *Русский дипломатический журнал*. М., 2000. Вып. 6. С. 14–16.

²⁸ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки. С. 105.

²⁹ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5–6. С. 271.

³⁰ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 223–242.

³¹ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 270.

³² Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 208–209.

и другой русский князь — эмигрант второго поколения Семен Иванович Стародубский (не путать с Семеном Ивановичем Шемячицем) изменили литовскому великому князю Александру Казимировичу и перешли на службу к Ивану III вместе с пожалованными им в Литве городами. Семен Стародубский умер в начале XVI в., оставив своим наследником сына — Василия Семеновича. После смерти Василия Семеновича в 1518 г. территория Стародубского княжества вошла в состав Московского государства. Затем наступила очередь Новгорода-Северского³³. Василий III пользовался военной мощью и доблестью Василия Шемячица для отражения татарских набегов, но видел в нем потенциального изменника и опасного соперника. В 1517 г., как показывает Карамзин, Василий Иванович Шемячич успешно оправдался перед великим князем от наветов клеветников, а один из них был ему даже выдан. Однако занесенный над головой Шемячица Дамоклов меч в конце концов обрушился на него. В 1523 г. Шемячич был схвачен и посажен в застенки, где и умер через шесть лет, в 1529 г. За арестом князя в 1523 г. последовало включение его владений в состав основной территории Русского государства.

Ликвидацию Новгород-Северского княжества Карамзин оценивает как последний акт в истории уделов. «Сим навсегда пресекились уделы в России», — пишет он (Т. VII. Стб. 76).

Но, во-первых, автор как бы забывает, что еще во времена царя Федора Ивановича существовал, хотя и под контролем правительства, Углицкий удел царевича Дмитрия (до 1591 г.), внука Василия III. Сын Василия III Иван Грозный в течение двух десятилетий боролся с уделом своего двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, но при этом выделил удел своему слабоумному брату Юрию Васильевичу. Да и при жизни самого Василия III существовали уделы его родных братьев — Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея Ивановичей.

Во-вторых, Новгород-Северское княжество принципиально отличалось от уделов князей московского дома. Василий Иванович Шемячич при всем том, что он происходил из удельных князей московских, по положению своему являлся не удельным князем, а «службой» московского государя. Его ранг «слуги», или служебного князя, не изменился от того, что Василий III пожаловал ему Малый Ярославец, бывший удел верейско-белозерского князя Михаила Андреевича, «с судом и с данью» (1516 г.)³⁴. «Служебные князья», обычно выходцы из Литвы, представляли в XV–XVI вв. особый разряд вассалов московского великого князя³⁵. К положению «служебных

³³ Подробнее см.: *Капитанов С. М.* Роль монастырей в развитии связей между столицей и провинцией (на примере Киево-Печерского монастыря) // *Столица и провинция в истории России и Польши.* М., 2008. С. 75–86.

³⁴ *Акты Русского государства 1505–1526 гг.* М., 1975. № 135. С. 131–132 (далее — АРГ 1505–1526 гг.)

³⁵ *Капитанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // *In memoriam.* Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 225.

князей» были близки и татарские царевицы, получавшие от московского государя в управление те или иные территории (Кашира, Звенигород и др.). Таким образом, в Русском государстве XV–XVI вв. долей верховной власти и территориально-административной автономией обладали три категории высокопоставленных вассалов: удельные князья, служебные князья, татарские царевицы. Ликвидация Новгород-Северского служебного княжества не означала уничтожения не только «удельной» системы, но даже и системы служебных княжеств (в их роли, например, оказались в 1575–1576 гг. Таруса и Лух, отданные Иваном IV на время валашскому воеводе Богдану Александровичу³⁶).

В описании судьбы Василия Ивановича Шемячича и его княжества Карамзин остается верен своему умению и своей склонности различать цели и средства, которыми они достигаются. Положительно оценивая результат присоединения Новгород-Северского княжества как вклад в создание единого государства, автор «Истории» не забывает отметить и оборотную сторону дела, совершенного «не без насилия, не без личных жертв и несправедливостей». Далее он находит некоторое оправдание этого насилия в том, что оно совершилось «без народного кровопролития» (Т. VII. Стб. 76). Не удерживается Карамзин и от общего резюме по данному вопросу: «В самых благих, общепользых деяниях государственных видим примесь страстей человеческих, как бы для того, чтобы история не представляла нам идолов, будучи историей людей или несовершенства» (Там же). Гуманизм позиции Карамзина выражается в его понимании того, что «история людей» есть «история несовершенства» даже в тех случаях, когда результат их деяний кажется важным и положительным. Такой подход к изложению истории совершенно не свойственен современным историкам, давно утратившим древнюю привычку «морализировать» на исторические темы и больше склонным различать в событиях и поведении людей «прогрессивные» или «реакционные» черты.

Между тем меньше Карамзина смотреть на ход истории с разных точек зрения не покидало его и при изложении внешнеполитических событий третьего этапа правления Василия III. Одним из важных мероприятий этого времени был большой казанский поход 1524 г. Результатом его явились, в частности, перемены во внешней торговле. Василий III запретил русским купцам посещать международную летнюю ярмарку под Казанью на Гостином острове и перенес место торговли под Макарьев Унженский монастырь, расположенный выше по Волге, в районе Нижнего Новгорода. Этим Москва нанесла значительный экономический ущерб Казани, но данная мера ударила, как бумеранг, и по интересам русского населения. «Одним словом, — пишет историк, — досадив казанскому народу, великий князь досадил и своему, который не мог предвидеть, что сие юное торжи-

---

³⁶ См.: Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды Моск. гос. Историко-архивного ин-та. М., 1961. Т. 16. С. 400–401 (далее — Тр. МГИАИ).

ще будет со временем нашею славною Макарьевскою ярмаркою, едва ли не богатейшею на свете» (Т. VII. Стб. 82). В этой фразе вся гегелевская триада, отрицание отрицания и признание в конечном счете разумности действительного, за которым стоит будущее.

Следуя хронологическому принципу изложения истории, Карамзин в III главе VII тома перемежает рассказ о внешней политике и военных действиях с рассмотрением некоторых наиболее важных, с его точки зрения, событий внутренней жизни России. Описав русско-крымские и русско-казанские отношения первой половины 20-х годов, Карамзин углубляется в изучение вопроса о разводе и втором браке Василия III (1525–1526 гг.), после чего возвращается к внешнеполитической тематике (сношения с папским престолом, Империей, Польско-Литовским государством, Швецией, Крымом и Казанью во второй половине 20-х — начале 30-х гг.). Затем идет рассказ о рождении сыновей Василия III — Ивана, наследника престола (25 августа 1530 г.), и Юрия (30 октября 1532 г.). Далее описываются отношения с Астраханью и Крымом в первой половине 30-х годов, упоминается о посольстве из Индии от хана Бабур, основателя Империи Великих Моголов. Последняя по хронологии тема — болезнь и смерть Василия III (сентябрь — начало декабря 1533 г.).

На этом глава III не кончается. Ее заключительная часть посвящена характеристике личности Василия III как правителя и человека, его политики и порядков в России первой трети XVI в., а также ее места на международной арене. Тут различаются такие вопросы, как: 1) общая оценка роли Василия III в истории России; 2) внешний вид и характер великого князя; 3) интеллектуальные запросы Василия III и его отношения с Максимом Греком; 4) отношение к Василию III знати и простого народа; 5) занятие Василия III государственными делами; 6) великокняжеская охота; 7) двор и дворцовые чины; 8) поведение великого князя в церкви; 9) прием послов; 10) титул великого князя; 11) отношение к иностранным специалистам; 12) законодательная и судебная деятельность Василия III; 13) установление особых порядков в Смоленске и Новгороде; 14) крепостное и церковное строительство; 15) канонизация митрополита Алексея; 16) положение Новгородской епархии и деятельность архиепископа Макария, будущего митрополита; 17) борьба с язычеством в Новгороде и Пскове; 18) благотворительность по отношению к греческому духовенству; 19) церковный собор в Вильне 1509 г.; 20) стихийные бедствия и эпидемии (поветрия) на протяжении 1507–1532 гг.; 21) особенности международного антуража России первой трети XVI в. (выдающиеся «венценосцы» и «церковные преобразования»: возникновение лютеранства и англиканства).

Из внутренних событий хронологической части главы III наиболее подробно описаны обстоятельства развода и второго брака Василия III, а также история болезни и смерти великого князя.

Карамзин признает, что насильственное пострижение и последующее заточение в монастырь первой жены Василия III Соломонии Сабуровой

было актом жестокости и попранием нравственности. Историк с осуждением говорит о тех «угодниках», которые одобряли решение великого князя, и с сочувствием отзываясь о людях, которые «смело сказали государю», что это дело «противно совести и церкви» (Т. VII. Стб. 83). Сам же он не находит ни единого слова оправдания для Василия III, но, прежде, чем осудить его чужими устами, напоминает о мотивах поведения монарха (желание иметь детей и прежде всего наследника престола). Тут у Карамзина критерий нравственности приобретает приоритетное значение и ставится выше критерия государственной пользы, что делает ему честь как гражданину. Последующие историки обращали больше внимания на политическую целесообразность, а не на моральную сомнительность поступка Василия III.

Карамзин подробно излагает летописную повесть о болезни и смерти Василия III. При чтении этой истории возникает вопрос, нельзя ли определить болезнь Василия III в понятиях современной медицины? Такую попытку предпринял в начале XX в. А. Е. Пресняков. Он обратился к врачу А. С. Соловьеву с просьбой поставить диагноз болезни по признакам, указанным в летописи, и врач заключил, что у Василия III был периостит³⁷(воспаление надкостницы)³⁸. А. А. Зимин принимает эту гипотезу³⁹.

Другой вопрос: почему близкие к Василию III в 1533 г. кн. Андрей Старицкий, боярин М. С. Воронцов и дворецкий И. Ю. Шигона-Поджогин не хотели, чтобы было выполнено желание умирающего великого князя принять схиму, постричься в монахи, а митрополит Даниил, троицкий игумен Иоасаф Скрипицын и некоторые бояре поддерживали идею пострижения. Оно состоялось только благодаря решительности митрополита Даниила, пригрозившего анафемой противникам пострижения, которые пытались даже вырвать из рук Иоасафа черную монашескую ризу, предназначенную для Василия III (Т. VII. Стб. 104).

Летописи не говорят о причине этого противостояния. Умалчивает о ней и Н. М. Карамзин. С. М. Соловьев, описавший обстоятельства смерти Василия III еще детальнее, чем Карамзин, также воздержался от толкования конфликта между Андреем Старицким и митрополитом Даниилом по поводу пострижения великого князя⁴⁰. А. А. Зимин в монографии 1972 г. вообще не упоминает о разногласиях среди лиц, окружавших умирающего Василия III⁴¹.

С. В. Сазонов связывает позицию противников пострижения Василия III с возрождением взглядов, характерных для домонгольского

---

³⁷ Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 72. Примеч. 2.

³⁸ Periostitis, périostite, Knochenhautentzündung, Beinhautentzündung (Арнаутов Г. Медицинская терминология на пяти языках. 4-е изд. София, 1979. С. 338).

³⁹ Зимин А. А. Россия на пороге... С. 391.

⁴⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. III. С. 283.

⁴¹ Зимин А. А. Россия на пороге... С. 393–395.

периода, когда считалось, что самой принадлежности к числу крещеных православных достаточно для спасения души. Кроме того, Сазонов напоминает, что все ближайшие предшественники Василия III, от Дмитрия Донского до Ивана III, умерли без пострижения⁴². Действительно, кн. Андрей, И. Ю. Шигона-Поджогин и М. С. Воронцов пытались убедить Василия III не принимать постриг примерами Владимира Святого и Дмитрия Донского. Между тем позицию противоположной стороны Сазонов не объясняет. Ее можно было бы назвать традиционалистской, если бы к этому времени не сложилась другая традиция — отказ от пострижения.

В 1959 г. С. М. Каштановым было высказано и в 1967 г. повторено предположение, что смерть Василия III в монашестве могла угрожать неоспоримости прав малолетнего Ивана IV на трон отца, увеличивая шансы другого (негласного) претендента на престол — старшего удельного князя Юрия, возможный приход которого к власти страшил Андрея Старицкого, готового на этом этапе поддерживать кандидатуру племянника, а не брата⁴³. В желании постричься проявлялся эгоизм умирающего, поскольку «предсмертное пострижение связывалось с увеличением шансов на посмертное спасение»⁴⁴. Но чтобы стать человеком божьим, надо было отречься от родных, а значит ослабить узы связи между отцом и сыном, в данном случае — между великим князем и его прямым наследником. В пострижении заключалась опасность вернуться к порядкам XIV в., когда наследство могло передаваться не только от отца к сыну, но и от брата к брату, как это произошло в случае с Иваном II Ивановичем, который наследовал брату — Семену Гордому.

Но доходила ли эта формальная логика до сознания умирающего? Вероятно, нет, потому что у него органически совмещались два противоречивых желания: 1) обеспечить переход престола к сыну; 2) принять постриг. Можно думать, что у кого-то было понимание неполной совместимости этих желаний. Трезвый ум придворных и политиков просчитывал, чем может откликнуться на практике то или иное ритуальное действие.

Василий III был не первым, у кого возник конфликт с окружающими на почве вопроса о пострижении. Аналогичная история произошла с его дедом — Василием Темным, когда тот, изнемогая от тяжелой болезни, «всхоте в черньци постричься, и не даша ему воли»⁴⁵. Противостояние кончилось победой противников пострижения, в отличие от случая с Василием III,

⁴² Сазонов С. В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 407–408.

⁴³ Каштанов С. М. Иммунитетные грамоты 1534 — начала 1538 года как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 376; *Он же*. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 279.

⁴⁴ Сазонов С. В. Указ. соч. С. 407.

⁴⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 278.

когда победили сторонники пострижения. Тяга князей к пострижению вызывалась страхом перед вечными муками ада. Даже Дмитрию Донскому, который первым из потомков Калиты не стал подвергаться постригу перед смертью, летописец приписывает горячее и постоянное желание быть монахом: «На престоле царьстемь седя, царскую багряницу и венець нося, а во мнишьский образ по вся дни и часы облещися желая»⁴⁶.

В хронологической части главы III можно встретить отдельные замечания Карамзина об отношениях Василия III с младшими братьями — удельными князьями. Историк приводит скептический отзыв великого князя о братьях. Василий III сомневался в возможности передать кому-либо из них высшую власть в государстве: «Кто будет моим и Русского царства наследником? Братья ли, которые не умеют править и своими уделами?» (Т. VII. Стб. 83). Эти слова псковский летописец вкладывает в уста Василия III, рассказывая под 7031 (1523) г. о совещании великого князя с боярами после возвращения «из объезда» (нижегородского похода) в Москву «тое осени»: «Кому по мне царьствовати на Руской земли и во всех градах моих и в приделах; братья ли дам, ино братья своих оуделов не оумеють устраивати»⁴⁷.

Карамзин не ставит вопроса о том, насколько объективно оценивал Василий III способности своих братьев и насколько он сам стремился заслужить их любовь и уважение. Историк как бы забывает, что само положение монарха и его историческая миссия располагали Василия не столько к братской любви, сколько к необходимости ограничивать аппетиты и подавлять своеволие удельных князей. Тем не менее, Карамзин отмечает, хотя и в предположительной форме, такой признак дискриминации удельных князей при Василии III, как запрещение им вступать в брак. Уже одно это могло зародить у младших братьев ненависть к старшему. Автор пишет: «Василий, кажется, не дозволил им жениться пока не имел детей, чтобы отнять у них всякую мысль о наследовании престола» (Т. VII. Стб. 97). Однако, брачное вето само по себе не могло уберечь престол от захвата бездетным князем. Поэтому думается, что главная цель запрета была другая, а именно — остановить размножение наследственных уделов, опасных для дальнейшего развития централизованного государства. Отсутствие у Василия III до 1530 г. собственных детей-наследников заставляло его быть последовательным в отрицании права удельных князей на официальный брак. О наличии у них внебрачных детей никаких сведений не дошло. Это не Франция. Мысль Н. М. Карамзина о связи удельно-брачного запрета с бездетностью Василия III до 1530 г. доказывается методом «от противного»: когда дети у великого князя появились, он разрешил жениться Андрею Старицкому.

---

⁴⁶ Там же. С. 215.

⁴⁷ ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. С. 103. Год от С. М. должен быть не 7031, а 7032, т.к. дело было осенью. В Воскресенской летописи возвращение Василия III из похода датируется 15 сентября 7032 (1523) г.— см.: ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 270.

Свадьба Андрея, взявшего в жены княжну Ефросинью Андреевну Хованскую, состоялась 2 февраля⁴⁸ 1533 г., всего через три месяца после рождения второго сына Василия III — Юрия (30 октября 1532 г.). В день свадьбы Андрея и Ефросиньи жениху было уже полных 42 года, а его холостому старшему брату Юрию Ивановичу, присутствовавшему на свадьбе, и того больше — 52. Как младший по возрасту Андрей не мог быть претендентом на престол пока был жив Юрий. Из братьев Василия III только эти двое дожили до смерти самого Василия. Не доверяя Юрию и опасаясь его, великий князь считал нужным быть в союзе с Андреем, который, со своей стороны, стремился доказать ему свою верность. Разрешение Андрею жениться показало, что Василий был заинтересован в его поддержке и делал все от него зависящее, чтобы расположить к себе самого младшего брата.

Юрию Василий III такого разрешения не дал. Он заключил с ним договор. Это было совершено 24 августа 1531 г., ровно через год после рождения Ивана (25 августа 1530 г.). Заключение договора было явно приурочено к первой годовщине наследника. В этом документе Юрий признавал себя «братом младшим» Василия III, своего «брата старейшего», после смерти которого обещал признать «братом старейшим» Ивана, сына Василия III⁴⁹. Однако на текущий момент соотношение статусов Юрия и Ивана не определялось никак. Иван, пока он не унаследовал престол, был Юрию иерархически никем: ни старейшим, ни младшим, ни просто «братом». Во всяком случае, Василию III не удалось сделать Юрия «братом младшим» младенца Ивана. Но договор юридически закреплял обязательство Юрия быть вассалом Ивана: «А и вперед мне, oprичь тобя, великого князя, и твоего сына, князя Ивана, в целованье ни с кем не быти»⁵⁰. В соответствии с формуляром докончаний XV в. в договоре 1531 г. упоминались мифические «княгиня» и дети Юрия, хотя на самом деле он оставался холостым. Впрочем, такие же упоминания встречаются и в предыдущем договоре Василия III с Юрием, который был заключен 16 июня

⁴⁸ У Карамзина дата свадьбы — 22 февраля 1533 г. (Т. VII. Стб. 96. Примечания к главе III. Стб. 48. Примеч. 313). Так же во всех списках Воскресенской летописи, где говорится: «... февраля 22, в неделю о мытаре и о фарисее». Но издатели исправляют «22» на «2», замечая, что «воскресенье в неделю о мытаре и фарисее в сентябрьском 7041-м году падало не на 22-е, а на 2-е февраля» (ПСРЛ. Т. VIII. С. 282. Примеч. 1). В разрядной книге Пространной редакции находим подтверждение этой исправленной датировки: «Тово же году (7041 — С. К.) февраля во 2 день, на Стретеньев день» (Разрядные книги 1475—1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 233. Л. 156). В Краткой редакции разрядных книг свадьба кн. Андрея Ивановича отнесена к январю 1533 г. без указания числа дня: «... лета 7041-го, генваря в ... день» — см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. / подгот. текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 13 (далее — БРК). Ср.: *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 386.

⁴⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. № 101. С. 416—420 (далее — ДДГ).

⁵⁰ Там же. С. 418.

1504 г., еще при жизни Ивана III, до вступления Василия III на престол⁵¹.

Когда в 1523 г. Василий III рассуждал о «профнепригодности» своих братьев, якобы не умеющих управлять своими уделами, в живых были только Юрий и Андрей; другие два брата уже почили в бозе: Семен Калужский — 26 июня 1518 г., Дмитрий Углицкий — 14 февраля 1521 г. Но это не значит, что на них не распространялась общая отрицательная характеристика, которую Василий III дал своим братьям — удельным князьям. Семен был скомпрометирован попыткой бегства в Литву в январе 1511 г., Дмитрий — неудачей Казанского похода 1506 г. (ср. Т. VII. Стб. 7–9). У Дмитрия Углицкого было прозвище «Жилка», которое упоминается в разряде Казанского похода 1506 г.⁵², на что обратил внимание Карамзин (Т. VII. Примеч. К главе I. Стб. 6. № 9). В большинстве летописей Дмитрий Иванович фигурирует без этого прозвища⁵³. Оно отсутствует также в актах, и, в частности, в его духовной грамоте⁵⁴, сохранившейся в подлиннике, не имеющем даты⁵⁵. Грамота неоднократно публиковалась, но с неверной идентификацией автора и под ошибочными датами. Впервые духовную Дмитрия Углицкого издал в 1788 г. Н. И. Новиков, который принял ее за духовную великого князя Дмитрия Ивановича, внука Ивана III и племянника Василия III. Новиков отнес издаваемый акт к 1508 г.⁵⁶ Этот год предшествует году смерти Дмитрия-внука. Первовенчаннй погиб от голода в тюрьме 14 февраля

⁵¹ Там же. № 90. С. 364–369.

⁵² БРК. С. 36; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1. С. 88.

⁵³ Встречаем его только в Вологодской летописи в известии о Смоленском походе 1502 г., возглавлять который Иван III поручил Дмитрию Ивановичу: «В лето 7010-го на память святого апостола Акилы князь великий Иван Васильевич послал сына своего Дмитрия Ивановича Жилку, да с ним многих воевод к Смоленску...» (ПСРЛ. Т. 37. С. 173). Память св. ап. Акилы (или Аквилы) отмечается 14 июля и 4 января — см.: Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). Т. III. С. 582. 14 июля 1502 г. как начало этого похода указано в летописях Софийской II (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 243–244) и Никоновской (Там же. СПб., 1901. Т. XII. С. 256).

⁵⁴ Духовная написана от первого лица: «... се яз, князь Дмитрие Иванович, пишу сию запись» (ДДГ. № 99. С. 409). Здесь завещателю было неуместно приводить свое прозвище, полученное от других людей, и, к тому же, вероятно, не слишком лестное. Смысл прозвища «Жилка» неясен. В словарях такого слова нет. Возможно, это уменьшительное от «жила» или «жилия» в значении «жеребенок» — см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. А-К. Стб. 874; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. (Е-Зинутие). С. 110. Менее вероятно происхождение его от «жила» в позднем значении «неправедный стяжатель, охотник присваивать себе чужое» — см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. I. А-3. С. 542. Может быть, прозвище «Жилка» возникло в военной среде (в походах 1502 или 1506 гг.).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I, рубр. I, № 35. Л. 1–5. (№ 161 по описи 1767 г.).

⁵⁶ ДРВ-2. М., 1788. Ч. 3. № 126. С. 7–21.

1509⁵⁷ г. Интерес историков к драматической судьбе Дмитрия-внука был в конце XVIII — начале XIX в. намного сильнее, чем интерес к более заурядному жизненному пути углицкого удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки. Поэтому в 1789 г. Новиков вторично издал духовную Дмитрия Ивановича, не изменив ее первоначальную атрибуцию и дату (1508 г.)⁵⁸. За год до начала работы Н. М. Карамзина над т. VII ИГР, в 1813 г., духовная князя Дмитрия Ивановича снова вышла в свет. На этот раз ее опубликовали в 1-й части замечательного и роскошного издания «Собрание государственных грамот и договоров». Как и раньше, грамота была атрибутирована Дмитрию-внуку, но датирована не 1508, а 1509 г. — годом смерти Дмитрия-внука⁵⁹.

Н. М. Карамзин не сомневался ни в атрибуции, ни в датировке духовной князя Дмитрия Ивановича в СГГД. Он восхищался тем, что этот князь, будучи узником, оставался собственником значительного имущества: «...имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием, как бы в замену престола и свободы, у него похищенных». Автор невольно идеализирует тут Василия III, приписывая ему сказочное благородство поведения по отношению к поверженному сопернику. Последнего он идеализирует в свою очередь: «Димитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том великого князя без унижения и гордости, повинуюсь судьбе, но не забывая своих прав» (Т. VII. Стб. 5 и 6).

Все это действительно надо было бы отнести к области чистой фантазии, если бы выводы историка не базировались на правдоподобной атрибуции источника. Карамзина, конечно, отчасти извиняет то, что он был не первым, кто придумал эту атрибуцию, и не последним, кто ей доверился. Еще в начале XX в. такой крупный историк, как С. В. Бахрушин, переиздал духовную князя Дмитрия Ивановича, повторив атрибуцию и датировку, предложенную в СГГД⁶⁰. И только гениальный «скептик» А. А. Зимин своим источниковедческим чутьем уловил, что «нечисто есть дело их». Вообще лишь магия традиции мешала заметить «очевидную невероятность» новиковской атрибуции. А. А. Зимин установил подлинное авторство документа, кото-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. VI. С. 249; Т. VIII. С. 250; Там же. СПб., 1904. Ч. XIII, первая половина. С. 11; СПб., 1910. Т. 20, первая половина. С. 381; М.; Л., 1959. Т. 26; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 343. В Типографской летописи смерть Дмитрия-внука отмечена под 6 февраля 7016 (1508) г.— см.: ПСРЛ. Пгр., 1921. Т. 24. С. 126.

⁵⁸ Продолжение ДРВ. М., 1789. Ч. 5. № 161. С. 104—126.

⁵⁹ СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 147. С. 405—411.

⁶⁰ Бахрушин С. В. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М., 1909. С. 82—88.

рый в течение 160 лет служил материалом для неверных выводов⁶¹. К чести С. М. Соловьева следует заметить, что он, в отличие от Карамзина, не соблазнился парадоксальным несоответствием между содержанием и предполагаемым авторством этого документа. Он просто обошел его молчанием.

Еще один брат Василия III, которого упоминает Карамзин, — Семен Иванович. Он «прославился» неудавшейся попыткой бежать в Литву в январе 1511 г. В летописях встречаются три редакции рассказа о попытке Семена бежать в Литву в январе 1511 г.: 1) эпическая; 2) краткая и 3) эмоциональная. Первая представлена очень близкими между собой, почти совпадающими слово в слово текстами в Софийской II, Воскресенской, Никоновской, Львовской летописях и в своде 1518 г., вторая содержится в Типографской летописи, а третья — в Вологодско-Пермской.

1) Софийская II (ПСРЛ. Т. VI. С. 251). *Карамзин Н. М.* ИГР. Т. VII (Стб. 31-32).

«В лето 7019... Тоя же зимы, генваря, въсхоте князь Семен Иванович бежати в Литву от брата своего, великого князя Василья Ивановича всея Руси; и князь велики Василей Иванович всея Руси сведав то, послал к нему и велел ему у себя быти, и хоте на него опалу положити; князь же Семен Иванович за свою вину нача бити челом государю великому князю, и князь велики Василей Иванович всея Руси пожаловал его, по печалованию Симона, митрополита всея Руси, и братьи своей, и владык для, вины ему отдал; а бояр его и детей боярьских всех переменял»⁶².

«Меньший сын Иоаннов, Симеон Калужский, *отличаясь пылким нравом и легкомыслием,* с неудовольствием видел себя подданным старшего брата, жаловался на его самовластие, на стеснение древнего права князей удельных и, внимая советам некоторых мятежных бояр своих, вздумал искать Сигизмундова покровительства, изменить России, бежать в Литву.

Государь узнал о том, призвал и хотел заключить Симеона. Раскаяние юного князя, моление братьев, митрополита и всех епископов смягчили гнев Василия: он дал Симеону других, надежных бояр *и велел ему быть впредь благоразумнее, но с горестию видел, что Сигизмунд может иметь тайных друзей в самом семействе великокняжеском. Сие расположение не*

⁶¹ *Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI века // Исторические записки. М.; Л., 1948. С. 276–279; ДДГ. № 99. С. 409–415.

⁶² Такой же текст см.: ПСРЛ. Т. VIII. С. 252; Т. XIII, первая половина. С. 13; Т. XX, первая половина. С. 384; Т. XXVIII. С. 346 (Воскресенская, Никоновская, Львовская, Свод 1518 г.).

благоприятствовало миру: успех литовских козней в Тавриде довершил необходимость войны».

2) Типографская (ПСРЛ. Т. XXIV. С. 217).

«Лета 7019... Тоя же зимы, генваря 28, прииде весть к великому князю, что брат его, князь Семен Иванович, хотел бежати в Литву».

3) Вологодско-Пермская (ПСРЛ. Т. XXVI. С. 301–302).

«В лето 7019... Тоя же зимы князь Семен Иванович советом своих младых безумных советников напрасно устремися и хоте бежати к Литве от своего государя и брата, великого князя Василья Ивановича. Слышав же сия князь великий посла за ним и велел его возвратити⁶³ к себе. Он же возвратися и прииде, яко блудный сын, о своем согрешении. Благоутробный же государь непаметозлобивый, яко же отець чадолюбивый прият блуднаго сына, тако и князь великий Василей прият радостне своего меншаго брата Семиона и облобыза его, яко отець чадо, и его прегрешение отпусти ему, а на безумных его советников опалу свою положил до времени, донде же гнев его царьский мимоиде; и паки их пожаловал».

Первая редакция отличается спокойным тоном и отсутствием оценочных эпитетов и объяснений мотивов замысла Семена о бегстве. Вторая редакция говорит лишь о получении великим князем известия о намерении Семена бежать и называет, помимо месяца января, указанного в первой редакции, еще и число дня (28), когда это известие было получено. Третья редакция не дает сведений не только о числе дня, но и о месяце, кото-

---

⁶³ Так в списке С, в других списках «возврати».

рый указан в двух первых редакциях (январь). Автор перекладывает вину с Семена на его молодых «безумных» советников и изображает в умильных тонах сцену прощения Семена великим князем.

Н. М. Карамзин пользовался, кажется, не одним источником, где описывалась история разоблачения неудавшегося бегства князя Семена Ивановича. Это прежде всего Никоновская летопись, на которую он ссылается в примечаниях. Мы знаем, что текст Никоновской относится к 1-й редакции, представленной списками нескольких летописных сводов (Софийской II, Воскресенской, Никоновской, Львовской, Свода 1518 г.). Другим источником могла быть Вологодско-Пермская летопись. На основании впечатления от рассказа источников Карамзин писал, что Семен отличался «пылким нравом и легкомыслием», 2) был недоволен необходимостью быть подданным старшего брата, 3) «жаловался» (когда и кому?) «на его самовластие» (а), «на стеснение древнего права князей удельных» (б), 4) слушал советы «некоторых мятежных бояр своих». Такая интерпретация событий и особенно пункт о боярских советах, могли быть навеяны скорее всего текстом 3-й редакции.

Выше отмечалось, что Карамзин догадывался о наличии матримониальных запретов, которые Василий III налагал на своих удельных братьев. Конфликты могли быть и на почве дискриминации их как территориальных владетелей. Этой стороны дела Карамзин не касался вообще. А вместе с тем именно младшие удельные князья — Семен и Андрей — имели все основания сильно обидеться на своего старшего брата в самом начале его правления. В духовной Ивана III всем сыновьям завещались определенные территории: Василию — основная часть государства, Юрию — Дмитров, Кашин, Руза, Звенигород и др., Дмитрию — Углич, Зубцов и др., Семену — Калуга, Бежецкий Верх и др., Андрею — Верея, Старица и др.⁶⁴ Старшие удельные князья Юрий и Дмитрий получили свои уделы еще при жизни Ивана III. Они стали выдавать жалованные грамоты от своего имени начиная с апреля — мая 1504 г.⁶⁵

Василию III отец предоставил *carte blanche* в отношении уделов двух младших князей — Семена и Андрея. Свидетельство об этом имеется в Типографской летописи: «Того же лета (7014 — *Ред.*), октября 28, представися князь Иван Васильевич и дасть великое княжение сынови своему Василию, да сынови своему Юрию Дмитров и иные грады, а князю Дмитрею Оуглечь да иные городы, а сына своего Семена да Андрея дасть на руки брату их, великому князю Василию, и повеле им дати уделы»⁶⁶. А. А. Зимин, обративший внимание на содержащееся в Типографской летописи указание Ивана III об уделах двух его младших сыновей, считает, что оно было сделано «накануне кончины» великого князя⁶⁷, т. е. около

---

⁶⁴ ДДГ. № 89. С. 358–361.

⁶⁵ ХП-1. № 2–7, 11. С. 307–308.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.

⁶⁷ Зимин А. А. Россия на пороге... С. 71.

28 октября 1505 г. Однако, запись в Типографской летописи под 28 октября 1505 г. связывает с этой датой все завещательные распоряжения Ивана III, большинство которых было зафиксировано в его духовной грамоте 1503/04 г. Следовательно, можно думать, что уже тогда Василий III получил право распоряжаться судьбой уделов Семена и Андрея. Эту мысль подтверждает тот факт, что за время с момента составления духовной Ивана III, т.е. с конца 1503 — начала 1504 г., до самой его смерти (28 октября 1505 г.) никаких признаков отдачи уделов Семену и Андрею нет.

Вообще младших принцев дискриминировали всегда и везде. Они были лишними. На Западе их постригали в монахи, часто насильно. Так, в завещании короля Франции Людовика VIII (1223–1226), которое датировано «*anno Dominice incarnationis M^oC^o[C^o] vicesimo quinto, mense junio*» («в лето от Воплощения Господня 1225, месяца июня»), сыновья короля обозначаются не именами, а номерами. И если первым четверым из них завещались конкретные территории, то пятому и всем последующим предназначается церковная карьера: «*Item volumus et precipimus quod quintus filius noster sit clericus et omnes alii qui post eum nascentur*» («Также хотим и приказываем, чтобы наш пятый сын был клириком, как и все, которые родятся после него»)⁶⁸. Это был старый обычай, особенно касавшийся внебрачных детей монарха. Например, все четыре внебрачных сына Карла Великого имели тот или иной церковный статус: Пепин Боссю был постриженником в аббатстве Санкт-Галлен, а после за участие в заговоре сидел в заключении в Прюмском аббатстве; Гуго Аббат возглавлял три аббатства и погиб в битве; Дрого был посвящен в сан епископа Меца; Тьерри стал клириком по приказу Людовика Благочестивого⁶⁹. На Руси подобный обычай отсутствовал. Внебрачных детей монарха никто не являл свету, а законных не делал монахами.

Долго удерживать за собой удел Семена Василий III не мог. Все-таки Семен был не пятым, а четвертым из здравствующих сыновей Ивана III. А. А. Зимин обратил внимание на известие Пространной редакции разрядных книг под 7015 (1506/07) г. об «уделе» князя Семена: «Тово же году из удела от князя Семена Ивановича посыланы были воеводы в Белев, Василей Тимофеевич Юрлов Плещеев да князь Олександр Васильевич Кашин, да Булгак Денисьев»⁷⁰. Известие о посылке воевод из удела Семена помещено в конце статьи 7015 г., т.е. относится, вероятно, ко второй по-

⁶⁸ Inventaires et documents publiés par ordre de l'empereur sous la direction de M. le marquis de Laborde. Layettes du Tresor des chartes des rois de France / Par M. Alexandre Teulet. Paris, 1866. Т. 2-е. № 1710. P. 54; ср.: *La Roncière Ch.-M. de, Contamine Ph., Delort R. L'Europe au Moyen Âge. Documents expliqués.* P. 1971. Tome III: Fin XIIIe — fin XVe siècle. P. 22. Document 6.

⁶⁹ *Anselme P. Histoire généalogique de la maison royale de France, des grands officiers de la couronne.* P., 1712. P. 23.

⁷⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. [Ч. 1]. С. 98; *Зимин А. А. Россия на пороге...* С. 98, примеч. 13. Еще в марте 1506 г. Семен не имел Калуги. Тогда Калужским уездом ведал сам Василий III (ХП-1. С. 310. № 33).

ловине сентябрьского 7015 г., скорее всего к июлю-августу 1507 г. Заметим, что в марте 1507 г. Семену исполнилось 20 лет. Если в 1507 г. Семен уже владел калужской частью своего удела, то не позже января 1509 г. он стал обладателем и Бежецкого Верха. 18-м января 7017 (1509) г. датируется выданная им жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю с распоряжением посылать на княжескую охоту «на медведи, и на лоси, и на олени с сохи по пяти человек» с села Присеки и деревень⁷¹. Такое своеобразное «пожалование» было скорее введением новой повинности. На отмену или ограничение старой повинности это распоряжение не похоже. Грамота косвенно свидетельствует о страсти князя к охоте и попытке придать ей большой размах. Герберштейн описывает охоту великого князя на зайцев⁷², но ничего не говорит об охоте на медведей. При дворе, для развлечения иностранцев, устраивались шуточные бои между медведями и слугами низшего ранга⁷³. В таком отдаленном и глухом районе, как Бежецкий Верх, охота на медведей и лосей, возможно, практиковалась и до Семена. Она требовала привлечения большого числа людей. Установленная Семеном норма — 5 человек с сохи — могла показаться Троице-Сергиеву монастырю чрезмерной. В 1520 г. в селе Присеках с пятью сельцами, 242 деревнями и 12 починками числилось 15 сох⁷⁴. Конечно, размеры этого земельного комплекса были в 1509 г. меньше. Тогда в нем еще отсутствовали некоторые сельца, приобретенные позднее (например, Городище и Бочкино, полученные в 1519/20 г.⁷⁵). Но если даже уменьшить для 1509 г. число сох с 15 до 10, получится, что Троице-Сергиев монастырь должен был выставлять на княжескую охоту 50 человек крестьян ежегодно. Можно думать, что монастырские власти были шокированы неожиданным распоряжением Семена и обратились с жалобой к великому князю. Семен вел себя явно неосторожно. В то время, как другие удельные князья стремились задобрить влиятельные монастыри щедрыми пожалованиями, Семен действовал в прямо противоположном направлении.

В жалованной грамоте от 18 января 1509 г. не указано место ее выдачи. Вероятно, она была выдана не в Москве, а в Бежецком Верхе, где Семен собирался охотиться на медведей, лосей и оленей. Анализ двух правых грамот суда кн. Василия Ивановича Голенина показывает, что в 1509—1510 гг. князь Семен Иванович продолжал считаться «государем» Бежецкого Верха. Он являлся судьей высшей инстанции по спорным делам, возникавшим между землевладельцами этого уезда. В обеих известных нам бежецких тяжбах 1509—1510 гг. одной из сторон были крестьяне села Присеки Троице-Сергиева монастыря. Им противостояли в первом слу-

---

⁷¹ ХП-1. № 64. С. 314; АРГ 1505—1526 гг. № 50. С. 54.

⁷² Барон Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч. С. 115, 209—211.

⁷³ Там же. С. 213.

⁷⁴ АРГ 1505—1526 гг. № 190. С. 189.

⁷⁵ Там же. № 180. С. 178—179.

чае местные вотчинники Андрей и Борис Ивановы дети Головкины⁷⁶, во втором волостные крестьяне села Скорыновского⁷⁷. Обе тяжбы начались в 1509 г. Судьей первой инстанции был бежецкий писец Иван Данилов. Он назначил тяжущимся предстать перед князем Семеном Ивановичем на Рождество Христово 7018 г., т.е. 25 декабря 1509 г. Все участники первой тяжбы к назначенному сроку явились, но «на Рождество Христово государю нашему князю Семену Ивановичю дела зашли иные», и он перенес рассмотрение дела на Середохрестье 7018 г., т.е. на воскресенье третьей недели Великого поста, приходившееся в 7018 (1510) г. на 3 марта (Пасха — 31 марта). Участники второй тяжбы явились к Семену Ивановичю на Рождество не в полном составе. Суд состояться не мог как по причине отсутствия одной из заинтересованных сторон, так и вследствие занятости князя Семена Ивановича другими делами, о чем упоминалось в первой грамоте, но ничего не говорится во второй. Писец Иван Данилов перенес рассмотрение второй тяжбы тоже на Середохрестье (3 марта) 1510 г., явно руководствуясь указанием Семена Ивановича относительно срока суда по первой тяжбе. Но на этот раз явка участников оказалась неполной и по первой, и по второй тяжбе. Как и на Рождество, на Середохрестье исправно явились по обоим тяжбам крестьяне Троице-Сергиева монастыря села Присецкого, но их контрагенты по первой тяжбе Андрей и Борис Головкины, приходившие на Рождество, на Середохрестье не явились, контрагент же троицких крестьян по второй тяжбе, волостной крестьянин Устинко из с. Скорыновского, не приходил на суд ни на Рождество, ни на Середохрестье. По факту неявки Головкиных на Середохрестье дворцовый дьяк Третьяк Лызлов сказал: «А уже, господине, по сроце четвертая неделя, а их таки нет»⁷⁸. Эти слова могли быть произнесены после 24 марта 1510 г. (3+21=24). После заявления Третьяка Лызлова князь Василий Иванович Голенин, который вторично рассматривал дело вслед за писцом Иваном Даниловым, «о том деле посылал къ государю своему ко князю Семену Ивановичю грамоту на Москву». Семен решил дело в пользу присутствовавших на суде троицких крестьян «и велел деревню Бурдуково присудити к троецкому селу Сергиева монастыря к Присекам», что В. И. Голенин и исполнил «по княж Семенове Ивановича грамоте». На переписку между В. И. Голениным и князем Семеном Ивановичем мог уйти месяц, после чего дело закончилось и правая грамота В. И. Голенина была скреплена его печатью и подписью по сставам на обороте дьяка Михаила Никитина. В подлиннике грамота датируется 7018 г. без указания месяца. Условно мы можем ее датировать временем около или позднее 24 апреля 1510 г. (3 марта + 21 = 24 марта; 24 марта + 31 = 24 апреля).

Вторая правая грамота В. И. Голенина датирована маем 7018 (1510) г. без указания числа дня. И в этом случае В. И. Голенин вопрошал о ходе

⁷⁶ Там же. № 57. С. 58–60.

⁷⁷ Там же. № 61. С. 65–68.

⁷⁸ Там же. № 57. С. 60.

дела дворцового дьяка Третьяка Лызлова, который изложил историю вопроса, закончив ее констатацией того факта, что контрагент троицких крестьян, ставших на суд, «скорыновской хрестьянин Устинко Харламов на тот срок на Середохрестье перед князем Семеном Ивановичем не стал. А уже, господине, по сроце осмая неделя, а его таки нет»⁷⁹. Это могло быть сказано после 21 апреля 1510 г. (3 марта + 49 = 21 апреля). Как и в первом случае, кн. В. И. Голенин «о том деле посылал ко государю своему князю Семену Ивановичю грамоту на Москву». Семен решил дело в пользу явившейся на суд стороны, т. е. троицких крестьян, «и велел починок Раменку присудити к троицкому селу Сергиева монастыря къ Присекам». В. И. Голенин вынес соответствующий приговор «по княж Семенову слову Ивановича». Все происходило как в первом случае, за исключением того, что на этот раз князь Семен Иванович ответил на грамоту В. И. Голенина не грамотой, а «словом», т. е. устно, но неизвестно, через кого. Возможно, вследствие устной формы ответа Семена Ивановича составление второй правой грамоты В. И. Голенина закончилось немного быстрее, чем первой, скажем, через три недели после ответа Лызлова: 3 марта + 49 = 24 апреля + 21 = 19 мая [вариант: 3 марта + 49 = 24 апреля + 28 = 26 мая]. Это соответствует месяцу, указанному в конечном протоколе грамоты: «маия».

Как первая, так и вторая грамота Голенина была скреплена его печатью и подписью дьяка Михаила Никитина. В обоих случаях на суде у кн. В. И. Голенина были свидетели (хотя термин «послухи» к ним не применяется): в апреле 1510 г. Яков Хотетовский и Иван Гладкой, в мае 1510 г. Третьяк Лызлов и Яков Хотетовский. В первой грамоте Третьяк Лызлов действует в качестве докладчика, но не свидетеля. Во второй грамоте он и докладчик, и свидетель (вместо прежнего свидетеля — Ивана Гладкого). Как докладчик он дает сведения о суде писца Ивана Данилова и указывает количество времени, прошедшего между назначенным сроком явки в княжеский суд (3 марта) и текущим моментом. В первом случае этим моментом оказывается 24 марта, во втором — 24 апреля. Значит, Третьяк Лызлов приехал из Москвы в Бежецкий Верх в промежутке между 3 и 24 марта, зная о неявке в Москву на суд к князю Семену Ивановичу оппонентов троицких крестьян по первой тяжбе (братья Головкины) и по второй (скорыновский крестьянин Устинко). Как Третьяк Лызлов, будучи в Бежецком Верху, мог знать о том, что подсудимые не приехали в Москву ни 24 марта, ни 21 апреля? Он либо исходил из факта их отсутствия на суде 3 марта 1510 г. у кн. Семена Ивановича и априори предполагал, что они и позже не явятся, либо получал из Москвы свежую информацию через курьеров. Судья Василий Иванович Голенин приехал в Бежецкий Верх, вероятно, немного позже Третьяка Лызлова. Он исполнял роль судьи второй инстанции «по княж Семенову слову Ивановичя», т. е. формально по устному приказу кн. Семена Ивановича, а фактически, может быть, по распоряжению, исходившему от великого князя. У В. И. Голенина был

---

⁷⁹ Там же. № 61. С. 68.

большой опыт судебной деятельности еще во времена Ивана III, и ясно, что он служил интересам великого князя и не был склонен к удельному сепаратизму. По своей функции такие «посланные» сверху судьи напоминают «*missi dominici*» каролингской эпохи. Их деятельность на местах как бы заменяла суд монарха в центре.

Судный список суда писца Ивана Данилова был посредством включения в него речей Третьяка Лызлова превращен в докладной судный список, а с добавлением о решении князя Семена Ивановича — в правую грамоту. Свидетелями первой правой грамоты были те лица, которые, может быть, фигурировали еще в судном списке Ивана Данилова (Яков Хотетовский и Иван Гладкой). Во второй правой грамоте Яков Хотетовский перешел в списке свидетелей с первого места на второе. Иван Гладкой вообще исчез, а первое место занял Третьяк Лызлов, представитель московской дворцовой администрации. Он взял под свой контроль тяжбы в Бежецком Верхе, надо думать, не по собственной инициативе, а по великокняжескому «слову». Из правых грамот апреля-мая 1510 г. видно, что князь Семен Иванович находился в марте-мае 1510 г. не в Бежецком Верхе, а в Москве, куда он приехал, во-видимому, из Калуги.

В сентябре 7018 (1509) г. Василий III отправился со своим двором в Новгород Великий для подготовки к захвату Пскова. Из братьев он взял с собою лишь самого младшего — Андрея, который в это время не имел удела. Трех другим братьям великий князь велел сидеть по своим уделам: Юрию — в Дмитрове, Дмитрию — в Угличе, Семену — в Калуге⁸⁰. Из Калуги в Москву Семен приехал не раньше февраля 1510 г., когда Псковское взятие уже состоялось. Будучи в Калуге еще в декабре 1509 г., Семен, естественно, не мог вершить суд в Москве на Рождество Христово. Для объяснения этой невозможности хитроумный дьяк Третьяк Лызлов сослался на то, что тогда «государю нашему князю Семену Ивановичю дела зашли иные», и он велел учинить новый срок — Середохрестье (3 марта 1510 г.), к которому Семен мог уже вернуться в Москву.

Судебные решения апреля-мая 1510 г. удовлетворили Троице-Сергиев монастырь, но неизвестно, примирился ли он с тяжелой охотничьей повинностью, введенной Семеном для бежецкой вотчины монастыря в январе 1509 г. Мы не знаем также, побывал ли Семен в Бежецком Верхе в 1510 г. Вообще трудно сказать, где он находился и чем занимался во второй половине 1510 г. и особенно накануне раскрытия его планов бегства. Семен, безусловно, имел резиденции в Москве, Калуге и Бежецком Верхе. Из этих трех городов ближе всех к Литве была Калуга. Возможно, именно оттуда он и собирался бежать. 28 января 1511 г. Василий III получил весть о том, что Семен «всхоте... бежати в Литву». Было ли это известие о намерении Семена бежать или о реальном начале его побега? В большинстве летописей (1-я редакция) мы не находим четкого ответа на поставленный вопрос: Василий III «посла к нему и велел ему у себя быти». Что значит «к нему»?

⁸⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 113; БРК. С. 44.

В его резиденцию или в любое место на дороге, где он будет задержан? Как понимать выражение «велел ему у себя быти»? Это был приказ, похожий на приглашение. Н. М. Карамзин, опирающийся на текст Никоновской летописи, дает завуалированную интерпретацию великокняжеского приказа: Василий «призвал» Семена. Пожалуй, яснее других высказывается составитель Вологодско-Пермской летописи: «...посла за ним и велел его възвратити». Тут типичная картина действий верховной власти, посылающей погоню за беглецами с приказом вернуть их уговорами или силой. По версии Вологодско-Пермской летописи, посылка за Семеном объяснялась не тем, что великий князь узнал только о его намерениях. Летопись позволяет считать более вероятным, что Василию III донесли о начавшейся реализации Семеном своих планов, т.е. о его побеге. Отсюда требование Василия III «его възвратити». Кто был послан в погоню за ним и где он был «поиман», летописи не сообщают.

Поскольку Василий III получил известие о бегстве Семена 28 января 1511 г. (Типогр. летопись), можно думать, что его поимка состоялась либо 30–31 января, либо 1–3 февраля. Если бы погоня растянулась на больший срок, Семен сумел бы ускользнуть от нее и скрыться за литовской границей. В Москву его доставили, вероятно, под стражей, и разгневанный Василий III хотел положить на него опалу, но «печалование» митрополита Симона, епископов и родных братьев беглеца спасло его от тюрьмы. Митрополит Симон, главный «печальник» в деле Семена, 26 апреля 1511 г. заболел, а через три дня, 30 апреля, умер⁸¹. Дата его смерти является *terminus ad quem*, т.е. моментом, не позже которого Василий III помиловал Семена. Однако, думается, что это произошло раньше, может быть, даже в феврале 1511 г., когда еще кипели страсти и давались первые оценки поступку Семена.

Василий III не положил опалу на Семена лишь в том смысле, что не посадил его в тюрьму, как поначалу собирался. Зато он переменял состав его двора и лишил Семена права управления уделом.

Семен потерял свой удел фактически в начале февраля 1511 г. В 1511 г. Бежецкий Верх управлялся уже великокняжеской администрацией. Об этом ясно свидетельствует жалованная грамота Василия III Московскому Боявленскому монастырю от 30 декабря 1511 г.⁸² В ней упомянуто село Лозьево с деревнями в Бежецком Верхе. В 1509–1510 гг. Бежецкий Верх входил в удел Семена. Теперь же делами в нем ведает сам великий князь. За время с 1511 до 1518 (год смерти Семена) нам неизвестно ни одной грамоты, которая была бы выдана от его имени. Тем не менее отстранение Семена от управления Калужско-Бежецким уделом не было оформлено

⁸¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 252; Т. XIII, первая половина. С. 14.

⁸² Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов: XV — начало XVII вв. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. С. 120–121. № 38 (далее — АММС); Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 254–255; ср.: Кистерев С. Н. К истории Калужско-Бежецкого удела в начале XVI в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 16–20.

официально, в каком-либо документе, а сама территория удела не была передана никому из младших братьев Василия III. Вероятно, Семен оставался номинальным владельцем своего удела, хотя и потерял власть над ним.

Долгое время не получал завещанного ему удела самый младший брат Василия III Андрей. В момент составления духовной Ивана III Андрею было только 14 лет и, может быть, под предлогом его несовершеннолетия Василий не спешил наделить его землями.

3 мая 1513 г. умер бездетным волоцкий князь Федор Борисович⁸³, двоюродный брат Василия III и его братьев. Как всегда в подобных случаях, у кузенов покойного князя глаза и зубы разгорелись на его наследство. Справедливее всего было бы выделить что-то безземельному Андрею. Но Федор Борисович еще в духовной 1506 г. завещал свое княжество либо сыну, а такового к 1513 г. не оказалось, либо, при отсутствии сына, великому князю⁸⁴. Василий III и не думал уступать свое преимущественное право наследования кому-либо из братьев. Более того, в новую, расширенную редакцию своего триумфального титула, появившуюся в 1514 г., он ввел названия двух основных частей Волоцкого княжества — «Волоцкий» и «Ржевский»⁸⁵, и они продолжали употребляться в титуле вплоть до середины 60-х годов XVI в⁸⁶. Это было даже некоторым нарушением традиций, ибо раньше названия мелких удельных территорий в титуле не фигурировали. В 1514 — начале 1515 г. Василий III выдал несколько жалованных грамот на земли Волоцкого⁸⁷ и Ржевского уездов⁸⁸. Вероятно, в 1513 г. в великокняжеском окружении не возникло острых распрей по вопросу о волоцком наследстве, и Василий III не проявлял тогда особой активности в закреплении своих суверенных прав на него.

Главным делом для Руси в 1512–1514 гг. была борьба за присоединение Смоленска. Решение о третьем походе на Смоленск Василий III принял 4 февраля 1514 г.⁸⁹, после чего началась дислокация войск вне Москвы. Сам же великий князь выехал из столицы 8 июня с небольшой группой бояр

⁸³ ПСРЛ. Т. 24. С. 217. В большинстве летописей его смерть датируется маем 1513 г. без указания числа дня (Там же. Т. VI. С. 253; Т. VIII. С. 253; Т. XIII, первая половина. С. 16; Т. XX, первая половина. С. 386; Т. 26. С. 303; Т. 28. С. 347). Ср.: *Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008. С. 614.

⁸⁴ ДДГ. № 98. С. 409.

⁸⁵ СГГД. М., 1894. Ч. V. № 65–67. С. 55, 62 (здесь ошибочно «Севским» вместо «Ржевским»; в немецком экземпляре правильно: «zu Rsewa»), 65, 66, 68; *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahr 1514. Wien, 1863. S. 67, 70, 73.

⁸⁶ СГГД. Ч. V. № 68, 75, 78, 82, 85, 87, 89–92, 113–115, 118, 119. С. 68, 73, 75, 77, 79, 81–84, 134, 137, 140, 145, 146; Россия и греческий мир в XVI веке: в двух томах. М., 2004. Т. 1 / Отв. ред. С. М. Каштанов. С. 127, 156–158, 163–166, 192, 202, 225, 227, 228, 241, 243–245, 247–250, 259. № 2, 38–40, 45–48, 72, 81, 97, 99, 100, 109–116, 123.

⁸⁷ ХП-I. № 114, 120. С. 320–321.

⁸⁸ Там же. № 125. С. 321.

⁸⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 136.

и детей боярских в составе 220 человек. Удельными братьями Василий III распорядился следующим образом: Юрия и Семена взял с собой, Дмитрию велел быть в Серпухове, а в Москве оставил Андрея и царевича Петра⁹⁰. Смоленск был взят 1 августа 1514 г.⁹¹ Василий III пробыл в нем больше месяца, и 10 сентября двинулся в обратный путь⁹². В Москву он вернулся 24 сентября 1514 г.⁹³

На 4 месяца (июнь-сентябрь) 1514 г. Андрей оказался одним из двух «исполняющих обязанности» великого князя всея Руси. Сохранился текст указной грамоты «князя Андрея Ивановича», выданной «на Москве» 9 сентября 1514 г.⁹⁴ Из нее видно, что к Андрею обратились старец и крестьяне Троицкого Воиновского монастыря Переславль-Залесского уезда с жалобой на крестьян соседней Аргуновской волости, которые «вступались» в их землю, ставя на ней свою избу, свозили их снятый хлеб в копнах, а при встрече старца и его людей били и грабили, отнимая одежду и головные уборы. Князь Андрей назначил судьей и разъездчиком некоего Дмитрия Михайлова сына Поливанова, повелев ему провести тщательное расследование дела, размежевать спорные земли, а в случае несогласия сторон с итогами его «обыска» поставить «обоих исцов с очи на очи» перед великим князем, которому и доложить о результатах произведенного расследования. Такое назначение служилого человека судьей типа «*missi dominici*» было обычной функцией главы княжества. Поэтому Поливанов в своей разъездной грамоте, составленной в результате расследования, рассматривает Андрея как своего государя. Разъездная Поливанова начинается с трафаретного оборота: «По государеве грамоте». После этого идет уточнение: «князя Андрея Ивановича»⁹⁵. Но сам Андрей в своей указной грамоте от 9 сентября 1514 г. ясно формулирует мысль о том, что высшей судебной инстанцией в случае незавершенности дела будет не он, а великий князь, скорое возвращение которого в Москву в это время ожидалось (в самом деле, Василий III выехал из Смоленска 10 сентября, т.е. на следующий день после выдачи Андреем указной грамоты Дмитрию Поливанову).

Следовательно, никакой территории в качестве удела Андрей Иванович в 1514 г. не получил. В июне-сентябре 1514 г. он исполнял в Москве рутинные управленческие функции, составлявшие часть повседневной «работы» великого князя.

Как уже упоминалось выше, 26 июня 1518 г. умер князь Семен Калужский⁹⁶, ближайший по возрасту старший брат Андрея. Судя по

---

⁹⁰ Там же. С. 138.

⁹¹ Там же. С. 141.

⁹² ПСРЛ. Т. VIII. С. 33.

⁹³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 141.

⁹⁴ АРГ 1505–1526 гг. С. 114–115. № 112.

⁹⁵ Там же. С. 115–116. № 113.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. VI. С. 262; Т. VIII. С. 263; Т. XIII, первая половина. С. 28–29.

тому, что смерть Семена горько оплакивали великий князь и великая княгиня, Семен, прощенный Василием III после попытки бежать в Литву в 1511 г., стал вполне послушен воле старшего брата. Для сравнения: известие о смерти в 1521 г. другого брата Василия III — Дмитрия Жилки — не сопровождалось в летописях замечанием о горестных чувствах великого князя⁹⁷. Смерть Семена, нарушившая сложившуюся координацию сил внутри правящей династии, подвигла Василия III на необыкновенную щедрость: он отдал, наконец, Андрею его удел. Союз с Андреем был важен великому князю в условиях недружбы с Юрием и Дмитрием.

О пожаловании удела Андрею в 1518/19 (7027) г. сообщает Софийская II летопись: «Того же лета [7027 — *Авт.*] явил князь великы брату своему князю Ондрею Ивановичю удел Старицу, и Верею, и Вышегород, и Олексин со всеми волостьми»⁹⁸. Рядом на поле рукописи указаны месяц и число: «февраля в 6»⁹⁹. Таким образом, Василий III отдал Андрею его удел 6 февраля 1519 г. Судя по цитированному летописному свидетельству, Андрей получил единовременно все основные части удела, завещанного ему Иваном III. Он сразу же приступил к организации писцового описания своих владений.

При Андрее Ивановиче старицкая часть удела подвергалась описанию в 1519—1520, 1525/26, 1529/30 и 1534/35 гг.¹⁰⁰, верейская — в 1519—1520 гг.¹⁰¹ Основной состав удела был зафиксирован в описаниях 1519 г. Последующие описания расширяли круг земель, тянувших к Старице и Верее. Хронология этих дополнений весьма симптоматична: 1525/26 гг. — трудное для Василия III время расторжения первого и заключения второго брака, 1529/30 г. — ожидание рождения сына-наследника престола. В моральном и политическом планах великому князю была тогда нужна поддержка со стороны Андрея. И Василий, и Андрей опасались усиления позиций Юрия Дмитровского. После смерти Дмитрия Углицкого 18 февраля 1521 г. Юрий остался главной надеждой оппозиции. В рассказе об обретении в мае 1521 г. мощей Макария Калязинского в Кашинском уезде Юрия Ивановича летописец называет этого князя «Георгием Ивановичем Московским»¹⁰². Титул «Московский» содержал в себе довольно прозрачный намек на право престолонаследия.

С 1519 г., сразу после получения удела, князь Андрей Иванович начал выдавать жалованные грамоты духовным и светским землевладельцам. Некоторые из них датированы, другие — нет. Наиболее ранняя датированная жалованная грамота князя Андрея Ивановича была выдана 21 марта 1519 г. Московскому Чудову монастырю на с. Марьино Вышегородского

⁹⁷ Там же. Т. VI. С. 263; Т. VIII. С. 269; Т. XIII, первая половина. С. 37.

⁹⁸ Там же. Т. VI. С. 262—263.

⁹⁹ Там же. С. 263, примеч. а.

¹⁰⁰ ДДГ. № 102. С. 420—421.

¹⁰¹ Там же. № 103. С. 423—424.

¹⁰² ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 37.

уезда и с. Васильевское Селенской волости Московского уезда¹⁰³. Оба района, которых касалась эта грамота, — и Вышегород, и московская волость Сельна, — принадлежали к числу территорий, завещанных в удел Андрею в духовной Ивана III¹⁰⁴. Точно датированные жалованные грамоты князя Андрея Ивановича, относящиеся к другим частям его удела, указанным в духовной Ивана III, были выданы значительно позднее грамоты 1519 г.: в июне 1524 г. на дер. Шмойлову в Верейском уезде¹⁰⁵, в июне 1525 г. на два сельца в Старицком уезде¹⁰⁶, 9 января 1534 г. — на двор в Старице¹⁰⁷.

Четыре жалованных грамоты князя Андрея Ивановича не имеют даты. Одна из них (Федору Борисовичу Захарьину Бороздину) дошла в списке XVI в.¹⁰⁸, другая (князьям Дмитрию и Петру Васильевичам Волконским) — в списке XVIII в.¹⁰⁹, две грамоты (Старицкому Успенскому монастырю) известны лишь по кратким упоминаниям в монастырских описных книгах¹¹⁰. Из перечисленных недатированных грамот три (одна Ф. Б. Захарьину-Бороздину и две Старицкому Успенскому монастырю) были даны на земли Старицкого уезда, одна (князьям Волконским) — на земли Алексинского уезда.

Создавая Старицко-Верейский удел, Василий III не только укреплял союз со своим самым младшим братом, но и реанимировал многоудельность как стержневой принцип московской системы властвования в XIV–XVI вв. В данном конкретном случае Старицко-Верейский удел противопоставлялся Дмитрово-Кашинскому, владелец которого князь Юрий Иванович был наиболее легитимным претендентом на роль наследника престола при бездетном в 1519 г. Василии III.

Н. М. Карамзин видел прогресс государственного развития России в росте самодержавной власти московского великого князя. Наличие уделов внутри Московского княжества рассматривалось им скорее как помеха, чем как способ централизации. Вместе с тем московские уделы по своей сути отнюдь не были тождественны т.н. территориальным княжествам эпохи раздробленности верховной власти в XII–XIV вв., когда центробежные силы преобладали над центростремительными. В Московском княжестве установилась власть одной династии — потомков Даниила Александровича Московского, сына Александра Невского. Каждый член этого семейства мог претендовать на долю власти и имущества, унаследованного потомками от предков. Но между членами семейства существовала возрастная и ран-

---

¹⁰³ ХП-III. С. 207. № 1–82.

¹⁰⁴ ДДГ. № 89. С. 360.

¹⁰⁵ ХП-I. С. 332. № 214.

¹⁰⁶ АРГ 1505–1526 гг. С. 251–252. № 249.

¹⁰⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. II / подгот. к печати А. А. Зимин. С. 122. № 129 (далее — АФЗХ. Ч. II).

¹⁰⁸ ХП-I. С. 332. № 215.

¹⁰⁹ ХП-III. С. 207. № 1–81.

¹¹⁰ Там же. № 1–79, 1–80.

говая иерархия. Положение старшего сына было привилегированным. Он наследовал великокняжеский титул, получал большую часть территории княжества и становился сюзереном своих младших братьев и боковых родственников. Все они делались его вассалами, обязанными участвовать в военных походах, которые он предпринимал. Их права государей в принадлежавших им уделах постепенно суживались по разным линиям: они не могли проводить самостоятельную внешнюю политику, непосредственно сносятся с Ордой, в том числе отвозить туда дань, чеканить собственную монету, осуществлять суд по делам о душегубстве и т.п.

Удельная система походила на птицу Феникс. Число уделов могло свестись почти к нулю в конце жизни правящего великого князя и потом возродиться по его же духовной грамоте, поскольку отец должен был установить долю каждого из своих сыновей в общем наследстве. При этом и сам столичный город Москва рассматривался не как монопольное владение старшего сына — великого князя, а как общее владение наследников. Только доли наследства не были равными. Преимущественное положение и приоритет великого князя декларировались достаточно четко. В духовной Ивана III 1504 г. все его пять сыновей от Софьи Палеолог наделялись землями, движимым имуществом, правами на доходы от таможенных пошлин и т.п.

При определении территориального состава уделов соблюдались два руководящих принципа: 1) удел должен был состоять из нескольких частей, не представляющих собой единое государство; прерывистость или пористость его территории являлась гарантией зависимости от центральной власти; 2) в удел должны были входить разные по происхождению группы земель: а) старомосковские; б) бывшие тверские, недавно присоединенные к Москве; в) бывшие литовские, тоже недавно присоединенные. Целевая направленность этих требований очевидна: во-первых, не дать уделам превратиться в автономные государства с централизованной системой управления; во-вторых, создать систему коллективной безопасности для вновь присоединенных регионов, включить их в состав Русского государства не непосредственно, а путем временной отдачи в уделы братьям великого князя.

Для Н. М. Карамзина этот зигзагообразный путь централизации власти внутри Московского княжества (по типу шаг вперед, два шага назад) не стал предметом изучения. Он видел только шаги вперед и представлял себе рост единой державы однолинейно, не различая единой державы династии Даниловичей и самодержавия великих князей, стоящих во главе династии. Историю войн и внешней политики первой трети XVI в. Карамзин проследил в хронологической последовательности событий, внутреннюю же политику Василия III он характеризует иллюстративно и статично, отдельными штрихами. Из его описаний Василий III предстает как ответственный и трудолюбивый политик, выполнявший функции государя с сознанием своего долга и знанием дела. «Всякое утро до самого обеда» он «судил и рядил землю» (Т. VII. Стб. 109). Имеется в виду работа великого

князя в качестве судьи высшей инстанции, перед которым ставили «с очей на очи» тяжущихся («истцов»), которые не могли согласиться с приговором суда первой или второй инстанции. В XVI в. ни великий, ни удельные князья обычно не выступали судьями первой инстанции, предоставляя эту роль доверенным лицам типа «*missi dominici*», а также писцам, реже волостелям и тиунам. Судить и рядить было раннесредневековой функцией государя. Летописец утверждает, что и варягов-то призвали ради установления праведного суда. Трудно сказать, получал ли Василий III большое удовольствие от этой рутинной для него деятельности.

В какое время дня Василий III занимался делами высокой политики, Карамзин не уточняет. С одной стороны, историк пишет, что после обеда великий князь «уже не занимался делами» (Там же. Стб. 109). С другой стороны, Карамзин замечает, что даже во время поездок на охоту Василий III «не забывал государства: трудился с думными боярами и дьяками» (Там же. Стб. 110). Слова историка «трудился с... дьяками» как нельзя лучше характеризуют тип протоканцелярской деятельности, который существовал на Руси при отсутствии самого учреждения «государева канцелярия». В импровизированной каждый раз *ad hoc* протоканцелярии роль канцлера приходилось играть самому монарху. Кроме дьяков, в дорогу брали, вероятно, и писцов.

Карамзин говорит о «многих законах», изданных Василием III и ссылается на его постановления о контроле со стороны правительства над процессом перераспределения земельных фондов внутри класса феодалов. Эти постановления, «вместе с Уложением отца его, вошли в Судебник царя Иоанна Васильевича», — утверждал Карамзин (Там же. Стб. 113). Автор приводит два постановления, касающиеся ограничения прав продажи и родового выкупа земель. Первое запрещало владельцам имений в районах Твери, Оболенска, Белоозера и Рязани продавать свои земли жителям других областей. Второе запрещало наследникам вкладчиков выкупать у монастырей земли, если в духовных грамотах завещателей это право не было оговорено специально. «Уложения» Ивана III и Василия III до нас не дошли. Их постановления упоминаются в соборном приговоре от 1 мая 1551 г.¹¹¹, указе от 15 января 1562 г.¹¹² и в Сводном Судебнике 1606–1607 гг.¹¹³ Вместе с тем никаких конкретных сведений о дате, происхождении, направленности «Уложения» Василия III нет. Но Карамзина это и не слишком интересовало. Ему важно было констатировать, что Василий III издавал «много» законов, хотя на самом деле он не издал ни одного общего закона типа Судебника. Зато процесс выдачи грамот в разных сферах политики — как внутренней, так и внешней — шел достаточно быстрым темпом.

---

¹¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / подгот. текстов Р. Б. Миллер. Под ред. Н. Е. Носова. Д., 1986. С. 31–33. № 5 (далее — ЗАРГ, I).

¹¹² Там же. С. 55–56. № 36.

¹¹³ Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. Вып. IV. С. 523 (Ст. 120).

Карамзин отметил у Василия III особое отношение к Смоленску и Великому Новгороду. Первому он выдал в 1514 г. жалованную грамоту, нормы которой, частично заимствованные из польского и немецкого городского права, должны были служить охраной мещан от произвола наместников и бояр. В Новгороде он учредил коллегию из 48 целовальников «или присяжных» для участия в суде тиунов и ограничения самовластия последних. Эти западнические тенденции могли иметь успех лишь в наиболее передовых районах Русского государства, в течение столетий под-вергавшихся влиянию Запада.

«Для чего, — задает себе вопрос историк — не распространил он столь мудрого и благодетельного учреждения (имеется в виду «суд присяжных» — *Авт.*) на все государство?» И сам отвечает: «Может быть, другие россияне еще не имели довольно гражданского ума и навыка: они молчали, а новгородцы, вспоминая старину, жаловались и требовали». Так дворянский историк косвенно признает необходимость классово-борьбы для прогресса общества. Но при этом он остается верен идее совместимости прогресса с самодержавием: «Самодержавие не мешало государю дать лучшим гражданам участие в судном праве» (Там же. Стб. 113).

Василий III проявлял несомненную заинтересованность в привлечении на русскую службу западных специалистов. Кроме того, заботясь о европеизации своего двора, он продолжал начатое при Иване III создание штата придворных должностей. Карамзин относил к заслугам Василия III учреждение санов окружничего, ловчих, крайчего и рынд (Там же. Стб. 110). По А. А. Зимину, должность дворецкого существовала уже в 1467 г., ловчего — в 1474 г., ясельничего и постельничего — в 1495 г. Некоторые из этих терминов фигурируют еще в источниках середины XIV в., но система дворцовых должностей формируется в конце XV — начале XVI в.¹¹⁴ Ускоряющее влияние на дифференциацию чинов дворцового ведомства мог оказать пример Молдавии, где список вельмож от «дворника» до «чашника» (или «пахарника») включался во все господарские грамоты начиная с конца XIV в.¹¹⁵ Молдавская система стала хорошо известна русскому двору с 1483 г., когда наследник престола Иван Иванович Молодой женился на дочери Стефана III Елене Волошанке¹¹⁶. Молдавский обычай помещать в каждой грамоте список вельмож как свидетелей юридического акта на Руси не был принят. Он восходил, вероятно, к практике польской или венгерской канцелярии периода Анжуйской династии (1308–1387) с ее французскими традициями¹¹⁷.

¹¹⁴ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–184.

¹¹⁵ См.: *Каптанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012. С. 16–17.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. VI. С. 235 (335); Т. VIII. С. 214; Т. XII. С. 214.

¹¹⁷ Ср.: *Vocabulaire international de la diplomatie* / ed. Ma Milagros Cárcel Ortí. València, 1994. P. 68. § 264.

Н. М. Карамзин отмечает стремление Василия III к пышности дворцового церемониала и великокняжеской охоты, не усматривая в этом ничего большего (Там же. Стб. 110). Однако даже заведение псовой охоты, вопреки старинному русскому обычаю охоты без собак, было проявлением западничества Василия III и его попытки поставить свой двор вровень с лучшими дворами Европы.

Не совсем точен Карамзин, когда он в качестве триумфального титула Василия III приводит титул, включающий в себя названия 22 областей (Там же. Стб. 112). Историк умалчивает, что в начале своего правления Василий III использовал унаследованный им от отца более скромный титул, в котором было только 9 областных названий: «...Владимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятцкий, и Пермьский, и Болгарский, и иных»¹¹⁸. Расширенный титул из 22 элементов впервые появился в грамотах 1514 г.¹¹⁹ Он состоял из двух частей: старой и новой. В старой части сохранялись все прежние 9 элементов, но с добавлением еще одного, десятого — «Смоленский», который по своему значению занял четвертое по порядку место — между «Псковским» и «Тверским». Вторая часть была составлена из 12 названий, закреплявших за Василием III ряд старых и несколько вновь приобретенных областей. Главная цель создания этой части заключалась, вероятно, в том, чтобы по количеству территорий титул Василия III не уступал многоземельному титулу императора Максимилиана I, договор с которым готовился в это время. Определение Василия III в качестве «кайзера» в немецком тексте договора 1514 г. не было само по себе ново, ибо уже с 1503 г. в договорах с Ливонским орденом государь всея Руси назывался «царем» по-русски и «кайзером» по-немецки. С этой точки зрения упоминаемый Карамзиным «гордый» отказ русского монарха от королевского титула, который ему предлагали император и папа (Там же. Стб. 112), становится понятным: титул короля вместо царя или кайзера мог восприниматься как понижение ранга.

Правильно подметив увеличение числа придворных должностей, Карамзин не увидел другого, более важного феномена: возникновения и развития системы т.н. областных дворцов, т.е. центральных учреждений, ведавших территориями недавно присоединенных Новгорода, Твери, Рязани и выморочных уделов.

Надо сказать, что и после Карамзина в историографии долгое время не уделялось внимания этим учреждениям. Только усиленная публикация и введение в научный оборот значительного числа актовых источников XVI в., где фигурировали областные дворцы и областные дворецкие, сделали возможным выявить особенности организации центрального управления в конце XV — первой половине XVI в. А. А. Зимин показал, что дворцовая система предшествовала приказной. Первая половина XVI в. — время го-

---

¹¹⁸ РГМ. Т. 1. С. 145–151. № 24–27, 29, 30, 32 и др.

¹¹⁹ См. выше, примеч. 85.

сподства областных дворцов¹²⁰. Приказная система начинает интенсивно развиваться с середины — второй половины XVI в. Отличие областных дворцов от приказов состоит в том, что в дворцах управление было основано на территориальном принципе, в приказах — на функциональном. Переход от раннефеодальных методов управления сразу к функциональной системе был невозможен.

Первая треть XVI в. замечательна важными сдвигами в системе не только центрального, но и местного управления. До тех пор главными агентами фиска на местах являлись данщики, посылавшиеся из центра для сбора дани и других прямых налогов с того или иного уезда. По существу это была разновидность посыльщиков, или посланников типа *missi dominici*, которые действовали от случая к случаю. При Василии III стала внедряться другая практика. Возник институт т.н. «городовых приказчиков». Один или два городских приказчика возглавляли финансовую администрацию уезда. Они отвечали за сбор налогов и на правах местных властей могли вмешиваться в решение различных спорных вопросов. В отличие от данщиков, приезжавших из центра, городские приказчики находились в уездном городе постоянно. Об этой реформе местного управления в т. VII ИГР не сказано ни слова. Причина, как и с дворцами, — неосвоенность в начале XIX в. актового материала XVI в. Тема городских приказчиков заняла свое место в историографии через много лет после выхода в свет рассматриваемого труда Н. М. Карамзина¹²¹. Что касается высших органов государственной власти, то больше всего Карамзин интересовал сам монарх, в меньшей степени — Боярская дума и еще меньше — соборы. Карамзин писал, что при Василии III состав Думы расширился, а значение ее уменьшилось вследствие большей авторитарности Василия по сравнению с Иваном III, который охотно выслушивал чужие мнения и даже любил «встречу», т.е. возражения, чего новый государь не терпел (Там же. Стб. 110). Эта характеристика основана на дошедших в судебном деле высказываниях опального боярина Берсена Беклемишева. Интересно, что Карамзин считает такого рода обвинения в адрес великого князя «легкими»: они свидетельствуют лишь о наличии у него «обыкновенных слабостей человеческих» и не опровергают «сказание летописцев о природном его добродушии», равно как и представления иностранцев о всеобщей любви к нему народа.

Исследование личного состава Боярской Думы, проведенное в 50-х годах XX в. А. А. Зиминым, подтверждает мнение Карамзина об увеличении числа думцев в начале правления Василия III¹²². Вместе с тем, по

¹²⁰ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений... С. 180–205.

¹²¹ Дьяконов М. А. Городовые приказчики // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1900, январь. Ч. 327; Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957; Каптанов С. М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // История СССР. М., 1959. Ноябрь-декабрь. С. 134–148 и др.

¹²² Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 48–50.

наблюдениям А. А. Зимины, «в последний период княжения Василия III Боярская дума пополнялась крайне медленно»¹²³.

В боярской среде имелись люди, недовольные «новыми обычаями», которыми приехавшие с Софьей Палеолог греки «замешали Русскую землю». Эти «новые обычаи» ставились в упрек великому князю (Там же. Стб. 109). Карамзин не сделал попытки расшифровать подобные обвинения. Что конкретно подразумевалось под «новыми обычаями», нам неизвестно. Можно думать, что за столь широковещательными обвинениями скрывались отголоски той острой борьбы за престолонаследие, которая разгорелась в период юности Василия III между сторонниками «греческой» и «молдаво-русской» партий. События того времени были затронуты Карамзиным в предыдущем VI томе ИГР. После смерти 7 марта 1490 г. старшего сына Ивана III — Ивана Ивановича Молодого — десятилетний, почти одиннадцатилетний Василий III, первенец Софьи Палеолог, родившийся 26 марта 1479, стал наследником престола — бесспорным, если бы у Ивана Молодого не было сына Дмитрия, родившегося 10 октября 1483 г. Благополучное существование Василия III кончилось в 1497 г., когда он вместе с матерью попал в опалу. 4 февраля 1498 г. состоялась коронация Дмитрия-внука. Появился новый великий князь и наследник престола. Однако уже в 1500 г. расстановка сил меняется. В апреле 1502 г. Дмитрий-внук и его мать Елена Волошанка попадают в опалу и подвергаются заключению под стражу. Торжество Василия III закрепляется присвоением ему титула великого князя и роли соправителя отца. Смерть Дмитрия-внука в темнице 14 февраля 1509 г. поставила точку в этом соперничестве двух наследников престола, которых вдохновляли и вели на борьбу их честолюбивые родительницы. Но те, кто сочувствовал когда-то молдавской партии, не могли все исчезнуть с лица земли. Для них Софья Палеолог оставалась символом зла, ее греческие приближенные расценивались как носители дурных обычаев.

Пройдя смолоду школу борьбы за власть и приобретя достаточный запас решительности, жесткости и даже жестокости, Василий III пришел к единодержавию опытным политиком, смелым стратегом и осторожным тактиком. Тень Дмитрия-внука, сопровождавшая его всю жизнь, не наградила его манией преследования и страстью к изобретению мнимых заговоров. Он видел реальные опасности, не доверял братьям, особенно ближайшему к нему по возрасту Юрию, но чувствовал реальное превосходство и прочность своего положения. Вероятно, его вклад в организацию вооруженных сил Русского государства еще недостаточно оценен. Он не боялся лично участвовать в военных походах и умел правильно расположить полки и осуществлять общее командование армией. Василий III, как правило, не допускал давления на свою волю и не был склонен к методам коллективного руководства, предпочитая решать дела закрытым способом, согласовав их только с отдельными, особо доверенными советниками (это называлось «сам третий у постели»).

---

¹²³ Там же. С. 52.

Пожалуй, единственной силой, которая могла давить на Василия III, была церковь, а конкретнее — митрополит Даниил (1522–1539). Под его воздействием Василий согласился на проведение церковных соборов, осудивших «ересь» Максима Грека в 1525 и 1531 гг. Карамзин считает эту т.н. «ересь» не настоящей, а «мнимой» (Там же. Стб. 114). Скорее всего, Василий поддался уговорам митрополита из-за того, что тот поддержал его намерение произвести развод с Соломонией Сабуровой и заключить второй брак, с Еленой Глинской. В общем эти события — развод и соборы, можно считать не столько результатом совпадения религиозных убеждений сторон, сколько реализацией взаимовыгодной политической сделки. Из других событий церковной жизни при Василии III Карамзин обратил внимание на празднование летом 1519 г. в Москве, с участием самого великого князя, чуда исцеления больных у раки митрополита Алексия в Архангельском соборе Кремля (Там же. Стб. 114). Об этом факте имеется небольшой, но прочувствованный рассказ в Никоновской летописи¹²⁴. В современной историографии высказывается мнение о том, что не Иван Грозный, а Василий III был инициатором формирования пантеона отечественных святых — небесных покровителей Российского государства¹²⁵.

Карамзин не останавливается подробно на таком интересном моменте в истории русской церкви, как ссора новгородского архиепископа Серапиона с Иосифом Волоцким из-за того, что тот переменял и духовного и светского сюзерена, перейдя под патронат великого князя и митрополита (1507). Смещение Серапиона с поста архиепископа в 1509 г. и последовавшее за этим 17-летнее «вдовство» Новгородской епархии свидетельствуют о том, что Василий III мог принимать решительные меры против церковных иерархов, когда они оказывали ему прямое сопротивление. Начавшееся в 1526 г. и продлившееся до 1542 г. пребывание на новгородском архиепископстве талантливое и просвещенное Макария, который позднее, в 1542–1563 гг., занимал пост митрополита всея Руси, характеризуется Карамзиным как золотой век Новгородской епархии, отмеченный введением монастырского общежития, заменой игуменов на игумений в женских монастырях, борьбой с пережитками язычества и успешным ходом христианизации «лапландских поморян», т.е. лопарей (саами).

Карамзин не ограничился рассмотрением только внутреннего положения русской церкви. Он затронул также те «вызовы времени», которые возникли в XVI в. в связи с социальным и культурным развитием Европы в целом. Начальный период правления Василия III ознаменовался резким увеличением материальной помощи, которую Россия оказывала т.н. «христианскому Востоку», изнемогавшему под властью Османской империи (Греция, Сербия, Болгария). «Мягкая рухлядь» в виде мехов, главным образом белки, широким потоком потекла из России в монастыри Афона

¹²⁴ ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 32–33.

¹²⁵ Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культ русских святых // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4.

и в Белградскую митрополию. В 1517 г. в Германии объявилось учение Лютера, получившее поддержку со стороны ряда владетельных князей и монархов. Россия восприняла эту новую веру как очередную «ересь». Устами Максима Грека лютеранство было осуждено. Карамзин не удержался от того, чтобы не высказать собственного мнения по поводу лютеранской религии. Признавая сильной стороной новой веры «нравственную проповедь», историк, в то же время, наводит читателя на мысль, что отмена торжественности богослужения делает религию рассудочной, тогда как главная притягательность ее состоит не в логических доказательствах, а в чистоте веры (Там же. Стб. 118–119).

Любопытной особенностью тематической части III главы VII тома ИГР является то, что при иллюстративности подхода к освещению большинства затронутых здесь вопросов в ней имеется один небольшой раздел, где наблюдается тенденция к более или менее всеохватывающему учету фактов. Это экологический обзор стихийных бедствий (наводнений, пожаров, засух, поветрий), обрушивавшихся на Русь в течение «27 лет Василиева государствения» (Там же. Стб. 117). Конечно, и данный обзор не был полным, но он положил начало практике составления таких сводок. Общая оценка роли Василия III в российской истории сформулирована Карамзиным в следующих словах: «Василий стоит с честью в памятниках нашей истории между двумя великими характерами, Иоаннами III и IV, и не затмевается их сиянием для глаз наблюдателя; уступая им в редких природных дарованиях — первому в обширном, плодотворном уме государственном, второму в силе душевной, в особенной живости разума и воображения, опасной без твердых правил добродетели, — он шел путем, указанным ему мудростью отца, не устранился, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближался к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; был не гением, но добрым правителем; любил государство более собственного великого имени, и в сем отношении достоин истинной, вечной хвалы, которую не многие венценосцы заслуживают. Иоанны III творят, Иоанны IV прославляют и нередко губят; Василии сохраняют, утверждают державы, и даются тем народам, коих долговременное бытие и целость угодны провидению» (Там же. Стб. 105). Итак, Василий III «был не гением, но добрым правителем... Василии сохраняют, утверждают державы...»

Нам кажется рискованным классифицировать государственных деятелей прошлого по шкале «гениальности», поскольку любая оценка личности человека может быть оспорена. Характеристика Василия III, данная ему Карамзиным, художественно проникновенна. Она сама достаточно гениальна, чтобы производить впечатление истины в последней инстанции. Однако в ней отсутствует аргументация. Чем Василий III «не дотягивал» до гения и почему его отец и сын заслуживают этого звания? Судя по Герберштейну, Василий III, пируя в шатре после охоты, любил обмениваться с приближенными шутками по поводу деталей прошедшего

мероприятия. Юмор ситуаций вызывал шутки в охотничьем стиле, но неизвестно, обладал ли великий князь в другой обстановке способностью удивлять (= восхищать) собеседников уместной шуткой или острым словом. Его знаменитая фраза, адресованная Берсеню Беклемишеву («Пошел вон, смерд, не надобен ми еси»), свидетельствует о прямолинейности, грубости, откровенности, но не о тонкости, хитрости и коварстве. Когда Герберштейн говорит о замкнутом и отрешенном виде Василия III в церкви, невольно вспоминается образ Людовика Благочестивого, который по причине своей набожности никогда не позволял себе, как отмечает один из его биографов, смеяться и даже улыбаться.

Избегая крайностей и преувеличений, про Василия III можно было бы сказать, что это был нужный человек в нужное время и на нужном месте. Между прочим, о соответствии личных качеств Василия III требованиям эпохи говорил и сам Карамзин: «Описав деяния и случаи сего времени, напомним читателю, что оно, будучи достопамятно для России благоразумием ее правления, славно в летописях Европы... редким собранием венценосцев, знаменитых делами и характером... Не многие веки хвалятся такими государями *современными*¹²⁶, каковы были Максимилиан, Карл V, Людовик XII, Франциск I, Селим, Солиман, Генрих VIII, Густав Ваза; можем прибавить к ним и папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Все они, за исключением английского и французских¹²⁷ королей, находились в отношениях с Василием, их достойным современником; все имели ум и дарования отличные» (Т. VII. Стб. 118). Мы далеки от мысли, что генетическая эволюция каждой правящей династии идет синхронно с социальным развитием народов и дает каждой эпохе нужных ей героев, в одних случаях для подъема, в других — для провала. Тем не менее, факт остается фактом: умный и благоразумный Василий III правил Россией в период ее «подъема», как определял это время лучший современный знаток данной эпохи А. А. Зимин.

Н. М. Карамзин чувствовал потребность как-то связать успехи государственного управления Василия III с достижениями экономики и особенностями «народной жизни». Вероятно, поэтому изложение политической истории России 1505–1533 гг. он дополнил обзором «состояния» России в 1462–1533 гг. Хронологическое несоответствие между главами I–III, посвященными 1505–1533 гг., и главой IV, охватывающей в 2,5 раза больший период (1462–1533 гг.), создало внутреннюю противоречивость конструкции VII тома, которая мешает его комментированию. Автор лишил нас возможности про-

¹²⁶ Курсив Н. М. Карамзина. Слово *современными* употреблено здесь в значении одновременными, т. е. жившими в одно и то же время.

¹²⁷ Мнение Карамзина об отсутствии сношений русского двора с Францией при Василии III нуждается в поправке. Сохранился текст письма Василия III от 16 апреля 1518 (7026) г. «великому королю Галлийскому», не названному по имени, с просьбой о поддержке прусского князя Альбрехта, магистра Тевтонского ордена, в его борьбе с польским королем Сигизмундом I (СГГД. Т. V. С. 75. № 78. Документ датирован здесь 1517 г.). Королем Франции в 1518 г. был Франциск I.

следить вслед за ним динамику политического и социально-экономического развития страны в рамках одной и той же хронологии. Принимая эту подмену объектов сравнения как историографическую данность, мы вынуждены теперь говорить уже не о России времен Василия III, а о некоторых общих чертах положения страны во второй половине XV — первой трети XVI в.

Рассмотрим наиболее важные вопросы, поставленные в IV главе VII тома ИГР. На полях страниц этой главы мелким шрифтом набраны названия выделенных автором тематических групп вопросов. Такого рода заголовков насчитывается 11. Позволим себе их пронумеровать и процитировать: 1) «Правление»; 2) «Войско»; 3) «Правосудие»; 4) «Торговля»; 5) «Деньги»; 6) «Бережливость государя»; 7) «Дороги и почта»; 8) «Природные, гражданские свойства и обычаи»; 9) «Иноземные художники и ремесленники в Москве»; 10) «Словесность»; 11) «Известия о Востоке и Севере России».

В главе IV преобладает информация, почерпнутая из записок иностранцев с их любовью к обобщениям и цифровым выкладкам. Главным источником Карамзину послужил Герберштейн и дополняющие его итальянские авторы. Большинство иностранных сочинений о России этого времени написано без враждебности к ней. У некоторых авторов Василий III вызывал даже восхищение полнотой своей самодержавной власти. В отдельных сочинениях звучал призыв к союзу с великим князем всея Руси. За этим стояли и более конкретные планы — привлечь Россию к борьбе с Турцией на стороне Габсбургов и папы, овладеть путями сообщения с Персией через Россию.

Взяв для обозрения вместо 28 лет Васильева княжения большой период в 70 с лишним лет, Карамзин меньше всего стремился показать эволюцию социально-экономических отношений и системы управления в России с начала правления Ивана III до конца правления Василия III. Он дал усредненные картины, лишённые точной хронологии. Самый большой раздел главы IV — восьмой: «Природные, гражданские свойства и обычаи». Здесь, в частности, автор резко противопоставляет беззаботную, с его точки зрения, жизнь холопов, любивших «легкую службу и беспечность», тяжёлому положению крестьян, которые, поселяясь «в поместьях или в отчинах у дворян, обязывались трудиться для них свыше сил человеческих, не могли ни двух дней в неделе работать на себя», а «помещики нигде не жалели, не берегли их для будущего» (Т. VII. Стб. 128–129).

По мнению Карамзина, крестьяне никогда не были «владельцами» земли, они лишь нанимали землю «в поместьях и в отчинах» (Там же. Стб. 128). «Владельцами» являлись «князья, бояре, воины и купцы — то есть городские жители». Они «искони владели землями, отдавали их в наем крестьянам свободным. Всякая область принадлежала городу; все ее земли считались как бы законною собственностью его жителей, древних господ России, купивших, вероятно, сие право мечем, в такое время, до коего не восходят летописи, ни предания. Но крестьяне, платя дань или оброк владельцам, имели свободу личную и движимую собственность» (Там же. Стб. 129).

Карамзин, безусловно, прав в том, что источником власти князей, бояр

или купцов над крестьянами было завоеванное мечом право собственности на землю. Но в его концепции, в отличие от позднейшей теории земельной ренты, разработанной Марксом, не делалось принципиального различия между понятиями «собственность» (*Eigentum*) и «владение» (*Besitz*). Не считая крестьянина собственником земли, Карамзин не признает его и владельцем, хотя механизм эксплуатации феодального типа основывался именно на бессрочном владении крестьянина землей, являющейся собственностью князя, боярина или города. Отсюда попытка представить феодально-зависимого де-факто крестьянина как де-юре свободного арендатора типа наемного рабочего капиталистической эпохи. Эта модернизация картины феодальных отношений получила дальнейшее развитие в трудах преемников Карамзина на nive исторической науки, особенно в исследованиях и лекциях В. О. Ключевского.

Карамзин попытался решить также терминологическую задачу: когда и почему земледельцы на Руси стали называться крестьянами. Он писал: «Бедность рождает презрение: в старину называли у нас земледельцев смердами: в XVI веке крестьянами, то есть христианами, но в худом, варварском смысле: ибо долговременные наши тираны, Батыевы монголы, поносили россиян сим именем» (Там же. Стб. 129). Гипотеза Карамзина не кажется нам убедительной. Во-первых, вероисповедный термин христианине начал употребляться в значении крестьяне (земледельцы) не в XVI в., а намного раньше — на рубеже XIV–XV вв. Во-вторых, в этом значении он стал вытеснять не слово «смерды», а слово «сироты». В-третьих, крайне искусственно предположение, что термин «христиане» завоеватели стали применять только к определенной части русского народа для выражения особого презрения к его бедности. В тюркских языках существовали свои собственные слова для неуважительного обозначения иноверцев¹²⁸. Термин «христиане» был бы тут неуместен¹²⁹. Наконец, в-четвертых, в русских источниках, определяющих земледельцев в качестве «христиан», этот термин употребляется без тени иронии или сарказма и за ним не видно презрительной улыбки татарского наездника. Можно допустить скорее другое, а именно то, что термин «христиане» позволял выделить по вероисповедному признаку формирующийся класс земледельцев, живущих в деревнях вокруг сел с приходской церковью, из общей массы трудового населения, прежде всего холопов, среди которых было много неправославных военнопленных (литовцев, поляков, татар и др.)¹³⁰.

¹²⁸ В турецком языке немусульманские подданные султана и христиане вообще носили название «райя» (*гауа, геауа*). В татарском, турецком и других родственных им языках слово «кафир» (*kâfir*) означало «неверный» (= «христианин», «гяур»).

¹²⁹ К тому же, для говорящих только по-татарски он трудно произносим.

¹³⁰ Подробнее о термине «крестьяне» см.: *Kaštanov S. M. Zum Herkunftsproblem des Begriffes Krest'jane (Aus dem Russischen übertragen von U. Halbach) // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl / Hrsg. von Uwe Halbach, Hans Hecker und Andreas Kappeler. Stuttgart, 1986 (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd. 26). S. 188–219.*

Сомнительна и генетическая связь, проводимая Карамзиным между «крестьянами» и «смердами». Их объединяет только род занятий — хлебопашество. Смерды фигурируют в составе русского общества уже в XI в., во времена Ярослава Мудрого. Л. В. Черепнин, точку зрения которого мы разделяем, считал их государственными крепостными. Они были обязаны рентой не отдельным землевладельцам, которые тогда еще не народились, а коллективам рабовладельцев, захвативших власть и землю: киевскому князю и его дружине, Новгороду и Пскову. Смерды происходили из организованно посаженных на землю холопов, предназначенных для того, чтобы обеспечивать хлебом своих коллективных господ. Это был второй после рабов класс производителей, образовавшийся в Древнерусском государстве, где одновременно существовали разные способы производства: первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный. В связи с развитием монастырского и частнофеодального землевладения в XIV–XV вв. класс смердов разложился, уступив место сиротам, которых кабелили денежными займами и предоставлением земли. Но еще в конце XV в. Псков боролся за право эксплуатировать принадлежавших ему смердов, которые не хотели больше обслуживать своего господина. В XVI в. о смердах помнили, и слово «смерд» имело уничижительную окраску. Интересно, что Василий III, чтобы сильнее уязвить рассердившего его боярина Берсена Беклемишева, назвал его «смердом», а не «холопом» — может быть, потому, что слово «холоп» приобрело этикетный смысл, и все служилые люди при обращении к великому князю называли себя его холопами. Исторический Иван Васильевич Грозный, в отличие от экранизированного булгаковского, едва ли задал бы Шпаку-Этушу вопрос: «Чей холоп будешь?».

Если «смерды» происходили из холопов, то «крестьяне» происходили из вольных людей, жителей волости, попадавших в зависимость от того или иного земельного собственника.

Основанное на свидетельствах Герберштейна мнение Н. М. Карамзина о более легкой жизни дворовых холопов по сравнению с крестьянами опровергается главным образом фактами их бегства от хозяев, которое прослеживается с третьей четверти XV в. и на протяжении всего XVI в. Целью побега было, конечно, освобождение от рабской зависимости, обретение свободы. Побег обычно сопровождался кражей господского имущества — одежды, оружия, лошадей и даже документов¹³¹. Частота побегов показывает, что далеко не всем холопам их жизнь «за пазухой» у господ казалась раем, как это представляют Герберштейн и вслед за ним Карамзин. Но правда состоит также и в том, что из-за скудости источников историки не могут конкретно проанализировать весь процесс эксплуатации холопов и оценить меру и степень их занятости тяжелым трудом. Н. А. Некрасов

---

¹³¹ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 332–345; Каиштанов С. М. К истории холопства в XVI в. // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Паняеха. СПб., 2006. С. 357–380.

высказал мудрую мысль, родившуюся под влиянием окружавшей его действительности: «Люди холопского звания — сущие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господ». Однако, надо думать, что причиной не одного побега были «лютость и свирепость» господ, хотя такие изверги и становились в Москве «притчей во языцех».

Цифровой материал, приводимый в IV главе VII тома ИГР, отличается разной степенью достоверности. Наиболее точны данные о денежном счете в XVI в. и соотношении серебряного рубля в 200 д. и золотого червонца как 1:2 (Стб. 125). Близки к действительности и сведения о стоимости наемного труда и проездных услуг. По Герберштейну, хороший поденщик мог заработать в Москве 2 д. в день при полной дневной нагрузке. Карамзин приравнивает эту сумму к 20 коп. своего времени (Стб. 128). За проезд 20 верст на ямских лошадях платили 6 д., т.е. 1 алтын (Стб. 126). Вслед за Герберштейном¹³² Карамзин утверждает, что с каждого импортного или экспортного товара в государеву казну платили таможенную пошлину из расчета 7 д. с 1 рубля (Стб. 124). Размер тамги при таком соотношении составляет 3,5% от цены товара. Белозерская таможенная грамота 1497 г. устанавливала пошлину «со всякого товару» с местных жителей «с рубля по полудензе»¹³³ (0,5 д. = 0,25% от цены товара), а с приезжих — алтын (6 д.)¹³⁴. В дмитровской таможенной грамоте 1521 г. размеры торговой пошлины варьировались от 1 до 6 д. и зависели, как и на Белоозере, от географической принадлежности купца, т.е. от того, из какого региона Русского государства он приехал (или был местным жителем)¹³⁵.

Но если приводимые иностранцами и доверчиво воспринимаемые Карамзиным цифры, касающиеся «малых дел», не всегда точны и достоверны, то это в еще большей мере относится к «большим цифрам», характеризующим численность войска, народонаселения и т.п. Так, по словам Карамзина, в Москве в 1520 г. было 41.500 «домов», «исчисленных по указу великого князя» (Стб. 127). Это число взято у Герберштейна, который сам сомневался в его достоверности: «Приводимое ими (русскими — *Авт.*) число домов в этом городе вряд ли вероятно. Именно, они утверждали, что за шесть лет до нашего приезда в Москву¹³⁶, по повелению государя, дома были переписаны, и число их превзошло 41500»¹³⁷. В 7028 (1519/20) г. Московский уезд и Замосковские волости подверглись писцовому описанию в связи с выделением Андрею Старицкому его удела, частью которого были отдельные Замосковские волости. Поэтому сам

¹³² Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки... С. 96.

¹³³ Архив П. М. Строева. Пг., 1915. Т. 1 (Русская историческая библиотека. Т. XXXII). № 68. Стб. 94.

¹³⁴ Там же. Стб. 96–97.

¹³⁵ Там же. № 103. Стб. 170–172.

¹³⁶ Имеется в виду второй приезд Герберштейна в Москву (1526 г.). Отсюда и датировка переписи Карамзиным: 1526–6=1520.

¹³⁷ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки... С. 100.

факт описания Москвы в это время не лишен вероятия. Однако московские книги 1519/20 г. письма кн. Андрея Ростовского, известные по более поздним упоминаниям, до нас не дошли¹³⁸.

Исходя из приведенного Герберштейном числа «домов» в Москве, Карамзин делает предположение, что количество населения столицы было «гораздо за 100000» (Стб. 127). В литературе число «домов», названное Герберштейном (41500), воспринимается с сомнением¹³⁹. В XVII в. переписи подвергались обычно только тяглые дворы, и, судя по разным переписям середины XVII в., число их в Москве колебалось от 1200 до 3700. Считается, что тяглые дворы составляли 1/3 от общего числа московских дворов, большинство которых принадлежало служилым людям. Следовательно, даже если ориентироваться на максимальный из имеющихся показателей количества тяглых дворов (3700), общее число московских дворов в середине XVII в. будет около 12 тыс. Однако С. К. Богоявленский, один из лучших знатоков истории Москвы, полагал, что в середине XVII столетия в столице находилось примерно 27–28 тыс. дворов и проживало до 200 тыс. человек.

В качестве максимального размера русского войска при Василии III Карамзин называет 200000 конных детей боярских и 60000 «сельских ратников» (Стб. 121). Еще большую величину (400000 конных воинов) упоминает он со ссылкой на Франческо да Колло (Примечания к тому VII ИГР, глава IV. Стб. 64. № 385). Между тем Павел Иовий, описывавший Московию со слов русского посла в Риме Дмитрия Герасимова, утверждает, что «Василий обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы»¹⁴⁰. 150000 — число, полюбившееся в историографии. Им определяют размер войска в XVI в. некоторые авторитетные историки XX–XXI в. Более близкой к действительности представляется гипотеза Е. А. Разина, который считал, что весь состав русской армии XVI в. не превышал 70000 человек (иногда в качестве максимального числа называют 40000)¹⁴¹.

Вопрос о войске у Карамзина оказался связан с вопросом о «бережливости государей» (Стб. 125–126). Дело в том, что иностранцы — современники Ивана III и главным образом Василия III — объясняли хорошее состояние их казны тем, что они совсем не тратили или тратили очень

¹³⁸ См.: Милоков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 160.

¹³⁹ См.: История Москвы в шести томах. М., 1952. Т. 1. С. 178–179.

¹⁴⁰ Павел Иовий Новокомский // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки... С. 274.

¹⁴¹ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 343; ср.: Каштанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реалии исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г. Москва, 1991. С. 112–115; Kaštanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Rußlands im 16. Jahrhundert / Übersetzung aus dem Russischen von Kristen Hartung. München; revidiert von Carsten Goehrke, Zürich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 321–346.

мало денег на оплату войска, поскольку оно служит с земли и за землю. Карамзин подвергает это объяснение сомнению, считая, что причина богатства московский государей заключается в их мудрости и дальновидности, а не в экономии на войске и отобрании драгоценностей у русских послов, возвращавшихся из-за границы с подарками. Между тем, парадоксом является то, что феодально-ленная система организации армии, к которой Россия пришла только во второй половине XV в., в Западной Европе была к этому времени давно изжита, и никто не помышлял о возможности иметь бесплатное войско. Переход Запада к наемной армии с ее «контрактной» системой привел к тому, что, как пишет Карамзин, «Карл V с сокровищами Нового Света часто не имел денег» (Стб. 126), не говоря уже о его деде, блестящем современнике Василия III — Максимилиане I, которого называли «последним рыцарем» и который постоянно зависел от денежных ссуд, выпрашиваемых у Фуггеров и других банкиров. Такова была цена прогресса. Россия же выигрывала в известной мере, будучи на более ранней стадии социального развития.

В параграфе о правосудии Карамзин подчеркивает, что великий князь был судьей высшей инстанции и в этом качестве «нередко» отменял приговоры низших инстанций. Он единственный мог выносить смертные приговоры. Дошедшие судебные акты XV—XVI вв. (правые грамоты, судные и докладные судные списки) едва ли свидетельствуют о «нередкой» отмене великим князем приговоров, принятых низшим судом. Чаще государь подтверждал их. О применении в ту эпоху пыток как средства судебного следствия Карамзин пишет на основании текстов Герберштейна и Иовия, замечая при этом, что они — первые, кто дает информацию такого рода. Использование пыток историк связывает с влиянием татар: «Обыкновение ужасное, данное нам татарским игом вместе с кнутом и всеми телесными, мучительными казнями» (Стб. 123).

В параграфе о «правлении» Н. М. Карамзин высказывает мысль, что именно Иван III и Василий III определили устойчивое развитие формы государственной власти в России как самодержавия: «Два государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целостности ее, силы, благоденствия» (Стб. 121). Карамзин оспаривает мнение иностранцев, отождествлявших самодержавие с тиранией: «Тирания есть только злоупотребление самодержавия, являясь и в республиках, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов; ибо где обязанность, там и закон: никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное».

Карамзин рисует в целом картину подъема и процветания России в эпоху Ивана III и Василия. Успехи экономики он сводит в основном к развитию внешней торговли и внедрению иностранного опыта в сферу ремесла и строительного дела. Вслед за иностранцами автор обращает

внимание на разнообразие природных условий и фауны регионов России, невысокую степень заселенности страны, возрастающую по мере движения от окраин к центру. Историк был еще далек от привлечения к анализу широкого круга источников отечественного происхождения. Поэтому его описания народных обычаев, особенно свадебных церемоний, быта и нравов, взаимоотношений между представителями разных сословий восходят по преимуществу к запискам иностранцев.

Теперь нам следует посмотреть, как повествование Карамзина о правлении Василия III соотносится с его общей концепцией российского исторического процесса.

Русская история, по Карамзину, это медленный, порой зигзагообразный, но в целом поступательный процесс движения к гражданскому обществу, в котором должны быть обеспечены «неотъемлемость собственности и безопасность личности». В этом процессе едва ли не извечно принимали участие три основные силы.

Первая сила — это народ с его безудержной тягой к вольности, порождающей анархию, либо стремящийся самоорганизоваться, но почти неизменно взамен этого получающий деспотическую власть нарождающейся олигархии. Народ, его действия, страсти буквально пронизывают «Историю», особенно в ее последних томах. Народу, пишет Карамзин, всегда присуще стремление к вольности, несовместное с государственными интересами. Поэтому самодержавие, уничтожая остатки древних народных свобод, подавляя буйство «черни», выполняло свою прогрессивную историческую миссию — укрепляло внутреннюю и внешнюю прочность государства.

Отрицая позитивную политическую роль народа в истории России, Карамзин делает его в то же время верховным носителем оценок деятельности представителей самодержавной власти. В труде историографа народ становится то беспристрастным арбитром, особенно когда речь идет о борьбе самодержавия с аристократией и олигархией, то пассивным, но заинтересованным зрителем и даже участником событий, когда волею исторических судеб оказывается сам лицом к лицу с самодержавием. В этих случаях присутствие в «Истории» народа становится важнейшим творческим приемом Карамзина, средством выражения его авторского отношения к происходящему. В повествование летописца врывается голос историка, сливающийся с «мнением народным».

«Мнение народное» как своеобразный риторический прием не было изобретением Карамзина или, во всяком случае, использовалось не только им. Ссылки на него являлись одним из элементов идеологии «просвещенного абсолютизма». В качестве критерия оценок событий прошлого и настоящего оно с тех пор получает известное распространение, превращаясь даже в банальность.

В «Истории государства Российского» народному мнению Карамзин придает широкое смысловое значение. В первую очередь оно касается на-

родных чувств — от любви до ненависти к самодержцам. «Нет правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной», — провозглашал историограф. В его труде «народ любит», например, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского. Несчастливы те самодержцы, которых народ не любит или которые утратили эту любовь. По словам автора, «москвитяне» «не были совершенно довольны» Иваном III, который перед угрозой ханского нашествия трусливо отправил свою семью из столицы.

Рассказывая о царствовании Василия III, Карамзин на удивление редко упоминает «мнение народное». Так, «народ равнодушно ждал происшествий», узнав о стремлении Глинских «возмутить» в 1508 г. жителей Киевской и Волынской земель (Стб. 15), он «не любил» псковского наместника князя И. М. Репню-Оболенского (Стб. 21). «По мнению народа», в июле 1521 г. лишь божественное покровительство спасло Москву от разгрома войсками хана Мухаммед-Гирея (Стб. 67). «Народ смеялся» в 1523 г., наблюдая в Москве за шутом с метлой, который уверял, что настало время «очистить государство от последнего сора», т. е. поддерживал намерение Василия III покончить с самостоятельностью Новгород-Северского княжества (Стб. 75). Наконец, однажды даже «самые простолюдины» осудили Василия III, который сослал свою первую жену Соломонию в монастырь и женился вновь, чем нарушил «закон и совесть» (Стб. 83).

Вторая сила, определившая, по Карамзину, российский исторический процесс, — аристократическая, представленная князьями и боярами. Жадные до денег и власти, стремящиеся оторвать для себя побольше кусок от государственного пирога, представители этой силы меньше всего думали о благе народа и государства. Погрязшие в коррупции и интригах, они играли судьбами народа и страны, демонстрируя то сословно-кастовые, то родовые, то сугубо личные интересы. Одной из таких фигур в седьмом томе «Истории» перед читателями предстает князь Михаил Глинский, задумавший восстановить Великое Киевское княжество (Стб. 15).

В «Истории» нет пощады предателям национальных интересов, носителям олигархических, аристократических, кастовых и сословных интересов, всем тем, кто играл судьбами государства и народа во имя эгоистических, честолюбивых устремлений, кто благоденствовал на крови и поте соотечественников. Ну, а если справедливость все же торжествовала в отечественной истории, если хотя бы временно подлость, ложь, жестокость, обман одерживали верх, Карамзин напоминает читателю о «мнении народном» и народе как главном носителе не только национальных традиций, но и нравственных идеалов, как высшем судье действий властей предрержащих.

В условиях противоборства, а подчас и независимого воздействия на русский исторический процесс каждой из этих двух сил Карамзин искал и нашел третью силу, которая, на его взгляд, выступала равнодействующей, играла цементирующую роль, потенциально, а иногда и реально воплощая в себе идею гражданского общества, обеспечивая «благоденствие

государства» и счастье его жителей. Этой силой, по Карамзину, выступало самодержавие. В седьмом томе Карамзин показывает это на примере Псковской республики. Когда в 1509 г. здесь началась внутренняя смута между великокняжескими наместниками и местными жителями, это, пишет Карамзин «предвещало Пскову судьбу Новгорода, где внутренние несогласия и ссоры заставили граждан искать великокняжеского правосудия...» (Стб. 22). Описав события в Псковской республике, закончившиеся вывозом вечевого колокола в Москву и сменой великокняжеских наместников, историк заключал: «Так Василий употребил первые четыре года своего правления, страхом оружия, без побед, но не без славы умирив Россию, доказав наследственное могущество ее государей для неприятеля внешнего, и непрременную волю их быть внутри самодержавными» (Стб. 30).

Псковская республика в представлении Карамзина олицетворяла народную власть, с которой Василий III покончил скорее страхом силы, чем силой страха. Зато силовые действия по пресечению опасных для крепнувшего государства тенденций областного сепаратизма историограф без каких-либо сомнений склонен оправдать, когда, например, признает необходимой ликвидацию Новгород-Северского княжества Василия Шемячича.

Убежденный в справедливости своей идеи о самодержавии как наилучшей форме организации российской государственности, идеи, обращенной прежде всего в настоящее и будущее России, Карамзин прилагает ее и к прошлому страны. Уже начало российской истории, пишет он, представляет удивительный и беспримерный в мировой истории случай, когда славяне добровольно отказались от древнего народного правления в пользу самодержавия. Этим как бы определилась российская государственность, окончательно оформившаяся, по Карамзину, в XV в.

Простудировав до того никому непосильную груду исторического материала, испытав вдохновение и ужас от знакомства с ним, Карамзин в начале XIX в., в эпоху, когда руки одних тянулись к перу для создания проектов неосуществимых реформ, а руки других — к кинжалу и ружью для реализации тайных планов радикального переустройства, понял одну из важнейших особенностей отечественной истории: великое государство создавалось насилием и страхом, в нем извечно царствовала сила самодержавной власти. И Карамзин в большинстве случаев стремился оправдать ее действия, полагая, что между законом и самодержавием нет принципиального противоречия.

Воспитанный на идеалах христианства и просвещения, Н. М. Карамзин не мог примириться с их нарушениями самодержцами как трагической неизбежностью, предопределявшей историю России. Именно поэтому в самодержавии он хотел видеть носителя не просто силы — равнодействующей, примиряющей, карающей или побеждающей в интересах «государственного блага», но прежде всего олицетворение нравственных устоев как высших и единственных условий порядка в государстве и процветания народа.

Василий III казался Карамзину своего рода проходной фигурой, всего лишь продолжившей и укрепившей позитивные тенденции, возникшие во время княжения Ивана III. Карамзин пишет: «Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова», он «и после Иоанна еще казался достойным самодержавия» (Стб. 6). Вместе с тем, правление Василия Карамзин оценивает как позитивную альтернативу царствованию Ивана Грозного. К его описанию историк нетерпеливо стремился, предвкушая возможность более ярко, чем на примере княжения Василия III, показать особенности российского самодержавия.

В эту же систему Карамзин попытался органически включить и русскую церковь, которая, как он считал, никогда не проявляла склонности к излишней мирской власти, действовала в русле княжеской и царской политики и, «не изменяясь в своем первобытном характере», смягчала нравы, гасила страсти, воспитывала добродетели. В VII томе «Истории» взаимоотношения церкви и власти Карамзин в целом рассматривает в духе этих представлений, внешне беспристрастно рассказывая о внутрицерковных разногласиях и борениях.

Более эмоционально говорит он об опале Максима Грека, имевшей не только собственно церковные, но и определенные внутривнутриполитические и внешнеполитические причины. Историк явно симпатизирует Максиму Греку. Он с удовольствием описывает его работу по разбору великокняжеской библиотеки, переводу на русский язык греческих книг, находившихся в ней. В представлении Карамзина Максим Грек был не просто переводчиком, а носителем и пропагандистом греческой культуры и защитником незаслуженно подвергшихся опале «вельмож».

Опалу Максима Грека историк объясняет «завистью» части духовенства, объявившего его то ли еретиком, то ли язычником, то ли тайным критиком «дел государевых», связанных прежде всего с осуждением второго брака Василия III. В конце концов Карамзин заключил, что Максим Грек был «винный или невинный страдалец» царствования Василия III, а его богословские взгляды являлись «мнимой ересью». Формула прямо-таки диалектическая: Максим Грек мог быть «винным» церковным деятелем, вторгавшимся в светские дела, и «невинным страдальцем» из-за отсутствия в его выступлениях даже какого-либо намека на ересь.

И в таких оценках деятельности и судьбы Максима Грека можно увидеть еще один элемент реконструкции русского исторического процесса по Карамзину. Просветитель, носитель знаний и традиционных православных идеалов не может быть еретиком. Волею обстоятельств он может быть только страдальцем, отстаивая истинность православной веры как важнейшей основы государственности. Не случайно в VII томе «Истории» Максиму Греку противопоставлен его современник Мартин Лютер. Карамзин пишет: «Многие толкователи всемирных происшествий говорят о лютеранской вере как о великом благодеянии для человечества: она неоспоримо способствовала успехам просвещения и лучшей

нравственности, соединенной с оными; но первым ее следствием были кровопролития и новые секты христианские, отчасти вредные для самых правительств и спокойствия гражданского» (Стб. 119–120).

В общественной жизни России рубежа XVIII–XIX вв. Карамзин принадлежал к той партии, которая еще в XVIII в., после петровских преобразований, заявляла, что «Россия есть Европа». Для Карамзина это означало не только констатацию реальности, но и ответ на вопрос: «Что есть Россия?». Уже ко времени начала работы над «Историей государства Российского» Карамзин расстался со своими ранними колебаниями между двумя концепциями прошлого человечества. Он окончательно принял ту, которая восходила к Вольтеру, М. Кондорсе и И. Гердеру. Она, как известно, постулировала идею непрерывности человеческого прогресса, историческое движение в ней выступало движением к будущему, более совершенному состоянию человечества. Отсюда оптимистические надежды на развитие всего человечества от невежества к братству просвещенных народов. После победы над Наполеоном Карамзин написал пространное стихотворение-оду «Освобождение Европы и слава Александра I», в котором провозгласил: «Народы — Братья! Злобы нет». Здесь же историк очертил и свои представления о настоящем и будущем месте России в развитии современной цивилизации. В победе россиян над Наполеоном он видит знаменательную силу Провидения (идея провиденциализма, заимствованная историком у Ж. Боссюэ), избравшего российский народ не только для наказания узурпатора, но и в качестве соучастника, даже преемника европейских народов в создании современной цивилизации¹⁴².

Но обращение к народу как «единице истории» неизбежно ставило вопрос о «народности», «национальности» и их роли в общечеловеческом прогрессе и национальной истории. «Сходствуя с другими европейскими народами, — говорил Карамзин в 1818 г., — разнствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так, что хотя и не можем иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное».

Сочетание идеи прогресса с представлением о ценности «народного» — традиций и обычая — составляло немалую трудность и потому Карамзин для ее преодоления выдвинул идею универсальности культуры. «Путь образования и просвещения, — писал он, — один для народов — все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...».

Эти общие методологические позиции Карамзин попытался приложить к своей концепции исторического пути России для установления общеевропейских и национальных явлений ее истории. Российское государство, по Карамзину, вошло «в общую систему» государств, возникших «на развалинах владычества римского». И в первый век своего существования (конец IX — конец X вв.) «Европейская Россия была уже не менее

---

¹⁴² Сочинения Карамзина. Пг., 1917. Т. 1. С. 305–318.

нынешней, то есть, во сто лет она достигла от колыбели до величия редкого», являясь «самым образованным¹⁴³ государством», обещая еще большее величие и могущество. В то время, когда Европа, пишет Карамзин, стала театром поместного или феодального тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, суеверия, рабства и невежества, Россия «не уступала в силе и гражданском образовании первейшим европейским державам ... имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные», испытывая благотворное воздействие Греции, единственной не уничтоженной варварами древней державы».

Однако уже со второй половины XI в., согласно Карамзину, роли поменялись. В то время как в Европе благодаря крестовым походам укреплялась государственная власть, оживлялись торговля, просвещение, в России расцветала удельная система германских народов. Она орошала кровью и слезами бывшую могущественную державу и привела к тому, что уже в XIII в. страна «отстала от держав западных в государственном образовании».

Следствием раздробленности стало ордынское иго. Оно исключило Россию из системы европейских государств. В то время, когда последние продолжали двигаться по пути прогресса, смягчая нравы, развивая науки и искусства, Россия была вынуждена напрягать все силы, чтобы не исчезнуть. Находясь около трех веков вне круга европейской политики, Россия погрязала в невежество. Ордынское иго, пишет Карамзин, нравственно унизило россиян, научив их «низким хитростям рабства». Нравственно униженный народный дух, заключает он, не способен на великое дело, следствием его является равнодушие, безмолвие народа, «злое семя в народе». Это первое в русской истории «нравственное унижение» народа Карамзин ставит в прямую связь со вторым «нравственным унижением» — двадцатичетырехлетней тиранией Ивана Грозного. От него историк тянет нить и к третьему «нравственному унижению» как результату тирании — национальному кризису, Смуте в начале XVII в.

И все же, считает Карамзин, отстав от Европы, Россия вышла из-под ордынского ига «более с европейским, нежели азиатским характером». Европа с трудом узнавала восточного соседа, но не потому, что для нее он оказался совсем непонятным, а потому, что она сама изменилась, а Россия осталась такой, какой она была триста лет назад. Благодаря политике московских князей, последовательно и успешно укреплявших самодержавие, между Европой и Азией постепенно возрождалось государство, представлявшее собой «смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами». Эта смесь, по Карамзину, и составляет «народную собственность» россиян.

Истинным творцом возрождения России Карамзин считает Ивана III,

¹⁴³ Здесь «образованным» означает, вероятно, «сформированным», «сложившимся».

при котором Россия оказалась вновь включенной в общую систему европейских государств. После него пошел естественный процесс сближения России и Европы: «без порывов и насилия», как бы «нехотя», россияне заимствовали все, что отвечало их пользе.

В VII томе «Истории» Карамзин продолжает развивать идею о Московском великом княжестве как европейском государстве, способном гибко воспринимать без каких-либо предрассудков достижения европейских наук и искусств и в то же время оставаться приверженным к «святине древних нравов». «Одним словом, — писал он, завершая VII том, — Россия и в XVI веке следовала правилу «хорошее от всякого хорошо», и никогда не была вторым Китаем в отношении к иностранцам» (Стб. 136). В царствование Василия III Московское княжество было «как бы Новым Светом, открытым царевною Софиею для знатнейших европейских держав» (Стб. 119).

В соответствии со своими общими мировоззренческими представлениями историк старательно пытается выявить те черты «народности», которые отличают его соотечественников от жителей Центральной и Западной Европы. На одни отличия, например, в уровне культуры, он смотрит с оптимизмом, не сомневаясь в их стирании, другие объявляет извечными, возводит в ранг не просто «национального» свойства, но и политической добродетели. В числе последних важнейшую роль Карамзин отводит терпимости россиян, прежде всего в их отношении к самодержавству. Называя эту черту «явлением достопамятным и даже удивительным», историк склонен объяснить ее и недостаточным просвещением, и исконной набожностью, и веротерпимостью. Согласно Карамзину, российская терпимость — это не только послушание и смирение, но и некая своеобразная линия «обратной связи» народа с действующей во имя общегосударственных интересов властью. Двумя-тремя фразами и в VII томе «Истории» Карамзин обозначает свое понимание этой особенности российской истории. Так, он пишет: «Тогда не отличали слов от дел, и думали, что государь, как земный бог, может наказывать людей и за самые мысли, ему противные!» (Стб. 106). В другом месте, процитировав слова Герберштейна о всеобщем рабстве в Московском княжестве, историограф его поправляет: «но имя¹⁴⁴ — не вещь: оно изображало только неограниченную преданность россиян к монарху», которую воспитали в них («дали народу») сами московские правители (Стб. 128; ср. Стб. 121).

Том VII «Истории» оказался менее выразительным в художественном отношении, нежели другие тома. Среди прочего это нашло отражение и в том, что здесь Карамзин редко использует свой любимый рефрен

---

¹⁴⁴ Под «именем» тут подразумевается слово «холоп», употреблявшееся служилыми людьми всех рангов как самоопределение при официальном устном или письменном обращении к государю. Этим же термином все пользовались для обозначения несвободных людей — рабов, являвшихся собственностью частных лиц (преимущественно феодалов-землевладельцев). В результате могло создаваться впечатление, что все светские лица (миряне) — рабы, холопы.

о безмолвии народа, а ведь этот рефрен был для него способом выражения авторской оценки событий прошлого. «Народ безмолвствовал» во Пскове в 1510 г., со страхом ожидая гнева Василия III на жителей Псковской республики (Стб. 26), он «молчал», не требуя усовершенствования судопроизводства (Стб. 113). Характеристики других проявлений народных чувств присутствуют здесь чаще: народ «жаловался громогласно», «народ жалел», «народ смеялся», «изъявил удовольствие», «плакал от умиления», «жалел о невинных, проклиная ласкателей», «опомнился, утих и с беспокойством ждал», «изъявил радость», «живо чувствовал спасительный ужас законов для обуздания преступников», «с жадностью слушал» и т.д.

В наше время, с высоты знаний, накопленных о прошлом России, легче подметить, в чем ошибался Карамзин, характеризуя отличия российского исторического процесса от западного. Не было ни исключительного в анналах истории мирного призвания варягов, ни «мирного» включения народов в состав империи. Как политическая организация российское самодержавие выступало издревле носителем авторитета не столько власти, сколько силы, не столько закона, сколько страха. Идея патриархальной «отеческой власти» государства вряд ли могла серьезно противостоять успешности бюрократического деспотизма, усиленного на русской почве петровскими реформами. Так называемая терпимость россиян — следствие не столько политической добродетели, сколько извечной заботы, страха перед силой.

В VII томе «Истории» Карамзин продолжал творить исторический миф о России, который отразил представления определенной части русского общества. И после Карамзина элементы этого мифа не были сложены в старинный сундук российской бабушки. Гордость, даже любованье пространством единственной в мире державы, ее величием, восхищение ее бюрократическим единством и военными победами, преклонение перед авторитетом тоталитарной, стоящей над всеми общественными институтами власти, умиление народной терпимостью и опасение «бессмысленного и беспощадного» бунта, желание быть в кругу европейских народов и самодовольное признание невозможности для России достигнуть этого на основании демократических институтов — все это можно обнаружить и в общественном сознании сегодняшней России.

Изложение истории княжения Василия III в труде Н. М. Карамзина составило важную веху — можно сказать, «верстовой столб» — на пути развития историографии событий первой трети XVI в. Этой эпохе уделил значительное внимание уже М. М. Щербатов, впервые привлечший для ее освещения широкий круг источников. Н. М. Карамзин выступил как новатор, включив в сферу изучения не только летописные своды, служившие главным источником для Щербатова, но и другие еще мало освоенные группы памятников — посольские и разрядные книги. Следующий качественный скачок в плане расширения источниковой базы мы наблюдаем в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (вторая часть

У тома). С момента издания VII тома ИГР Н. М. Карамзина (1816) до появления V тома ИРДВ С. М. Соловьева (1855) прошло 39 лет. За это время российская историческая наука обогатилась публикациями многочисленных актовых источников (серии томов ААЭ, АИ, ДАИ и др.). Их использование позволило С. М. Соловьеву по-новому поставить и осветить ряд вопросов внутренней политики Василия III.

После «Истории» С. М. Соловьева в дореволюционной историографии практически не предпринималось попыток глобального переизучения эпохи Василия III. Наиболее интересные работы, касающиеся времени его правления, были посвящены выдающимся церковным деятелям той поры — Иосифу Волоцкому, митрополиту Даниилу, Максиму Греку и др.¹⁴⁵ Анализ их сочинений и других памятников общественной мысли XVI в. внес заметный вклад в источниковедческое исследование истории религиозных и политических идей в России, чем ни Карамзин, ни Соловьев специально не занимались (им хватало собственной идеологии, которую они интроспектировали в головы современников Василия III).

Интерес к истории общественной мысли, превалировавший в литературе о временах Василия III во второй половине XIX — начале XX в., был унаследован и советской историографией. Изучалось и частично публиковалось письменное наследие таких авторов, как старец Филофей (Н. С. Чаев, Н. Н. Масленникова и др.), Максим Грек (В. Ф. Ржига, А. И. Клибанов, Н. В. Сеницына, Л. И. Журова и др.), Иосиф Волоцкий (А. А. Зимин, Я. С. Лурье и др.), боярин Федор Карпов (В. Ф. Ржига, Е. Н. Кимеева, А. А. Зимин, Н. В. Сеницына), Вассиан Патрикеев (Н. А. Казакова), Гурий Тушин (Н. А. Казакова), Зиновий Отенский (А. И. Клибанов, В. И. Корецкий), доктор Николай Булев (А. А. Зимин). Наряду с реконструкцией концепций отдельных идеологов предпринимались попытки проследить общие тенденции развития общественной мысли в России в конце XV—XVI вв. (Я. С. Лурье, Н. А. Казакова, Р. П. Дмитриева, Г. Н. Моисеева, А. И. Клибанов, А. А. Зимин и др.), иногда с «подтягиванием» русского вольнодумства до уровня «реформационно-гуманистического» движения.

По степени активности изучения второе место после идеологии занимает внешняя политика. Крымско-казанскому направлению внешней политики Василия III были посвящены работы В. Е. Сыроечковского,

---

¹⁴⁵ *Иконников В. [С.]* Максим Грек. Киев, 1865—1866. Вып. 1—2; *Он же.* Максим Грек и его время. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев, 1915; *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868; *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский; *Малинин В. Н.* Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; *Боровкова-Майкова М. С.* Великий старец Нил, пустынный Сорский // Русский филологический вестник. Варшава, 1910. Т. LXIV/ 64; *Она же.* К литературной деятельности Нила Сорского // Памятники древней письменности и искусства. 1911. Вып. CLXXVII (177); *Дунаев Б. Н.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916, и др.

И. И. Смирнова, А. Л. Хорошкевич и др., отношениям с Польшей и Тевтонским прусским орденом — труды А. Б. Кузнецова, В. Н. Балязина и др. Н. А. Казакова сочетала в своем творчестве изучение идеологии с изучением внешней политики Василия III на северо-западном направлении (Ливонский орден, Ганза, Дания). Историей экономических связей России с Данией занимался И. П. Шаскольский. Работы обобщающего характера, где рассматривается международное положение России и деятельность ее дипломатии по всем направлениям в целом, принадлежат перу И. Б. Грекова, А. А. Зимина, А. Л. Хорошкевич. Исследователи истории внешней политики при всей новизне привлеченных ими материалов идут больше, чем кто-либо другой, по стопам Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, в чьих трудах внешняя политика Василия III находилась в центре внимания.

Внутреннюю политику Василия III и, в частности, его взаимоотношения с удельными князьями, исследовал по жалованным и указным грамотам С. М. Каштанов. Эта область политики Н. М. Карамзиным совсем не затрагивалась, а Соловьев о жалованных грамотах лишь упоминает. По всему доступному комплексу источников разных видов и разновидностей внутреннюю и внешнюю политику Василия III изучал А. А. Зимин. Его труды явились практически вторым после Соловьева и третьим после Карамзина глобальным переисследованием истории России конца XV — первой трети XVI в. Основная канва событий, связанных с деятельностью Василия III, пересмотрена Зиминим в двух монографиях. Первая, изданная в 1972 г., касалась периода собственного правления Василия III, начавшегося с его вступления на трон в 1505 г.¹⁴⁶ Вторая книга, изданная посмертно в 1982 г., была посвящена истории России в двух последних десятилетиях XV в. и в пяти первых годах XVI в.¹⁴⁷ Этот период приходится на время детства и юности Василия III, родившегося в 1479 г. и ставшего наследником престола в 1490 г. Зимин показал, как Василию III приходилось пробивать себе дорогу к трону в борьбе с племянником — Дмитрием-внуком.

В отличие от Карамзина и Соловьева, Зимин не выделял в обособленные друг от друга части вопросы внешней и внутренней политики. Тематическому принципу он предпочитал хронологический и, следуя своей периодизации, рассматривал весь комплекс проблем для каждого из сменяющих друг друга этапов. Кроме воплотившегося в двух указанных книгах синтетического показа развития политических событий на протяжении всей жизни Василия III, Зимин по-новому обрисовал процесс создания аппарата высшей и центральной власти сформировавшегося единого государства. Он впервые в историографии выявил роль «областных дворцов» как органов управления, изучил важнейшие аспекты истории образования т. н. «государева двора» и элиты класса феодалов, проследил динамику личного состава Боярской думы, дьяков и дворцовых чинов. Из

¹⁴⁶ Зимин А. А. Россия на пороге Нового Времени. М., 1972.

¹⁴⁷ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

сферы его внимания не выпал и вопрос о том, из кого формировался и как изменялся личный состав двора у каждого из удельных князей.

История феодального землевладения, положение крестьянства, развитие производительных сил в деревне и городе, история т.н. «классовой борьбы» и ее подавления — все эти и подобные проблемы обычно рассматриваются на материале источников, относящихся к более продолжительному периоду, чем одна треть одного века.

Историю землевладения и торговли, пожалуй, можно было бы изучить и в рамках трети века; по количеству актов, приходящихся на это время, такое хронологически суженное исследование не кажется невозможным. Но имеющиеся труды на эту тему (С. Б. Веселовского, А. И. Копанева, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, Ю. Г. Алексеева, Л. И. Ивиной, М. С. Черкасовой и др.) свидетельствуют о том, что исследователи предпочитают оперировать данными за более внушительный и даже не всегда строго определенный отрезок времени. Прекрасные работы Н. А. Горской по истории техники сельскохозяйственного труда требовали достаточно широкого хронологического пространства, без чего ей и Л. В. Милову не удалось бы нащупать признаки прогресса в этой сфере.

Н. М. Карамзин, поставив на Василии III клеймо посредственности, занимающей достойное место между двумя гениями, определил почти-тотально-неуважительное отношение к нему во всей последующей историографии. Но теперь, благодаря недавно вышедшей научно-популярной книге А. И. Филюшкина¹⁴⁸, бедный Василий III попал, наконец, в число «Замечательных людей», что можно только приветствовать¹⁴⁹.

---

¹⁴⁸ Филюшкин А. И. Василий III (Серия «Жизнь замечательных людей»). М., 2010.

¹⁴⁹ Обзор содержания т. VII ИГР Н.М. Карамзина и оценку его вклада в изучение эпохи Василия III см. также в книге: *Свердлов М.Б.* История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб., 2018. С. 292–296.